ЯКОВЛЕВ

ДЕРЕВНЯ КАК ОНА ЕСТЬ

КРАСНАЯ НОВЬ
МОСКВА 1924

А. МАЛИНОВСКИЙ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Я. ЯКОВЛЕВ.

ДЕРЕВНЯ КАК ОНА ЕСТЬ.

(ОЧЕРКИ НИКОЛЬСКОЙ ВОЛОСТИ).

(Третье стереотипное издание).

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРАСНАЯ НОВЬ"
ГЛАВПОЛИТПРОСВЕТ МОСКВА—1924.

(21—30 тысячъ)

Главлит 19018. Тираж 10.000.

Типография Из-ва „Красная Новь“, Милютинский, 22.

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ.

За три месяца, прошедшие со времени написания книжки, основные выводы, ею намеченные, получили проверку как в обследовании 6-ти волостей, произведенном Центральным Комитетом Партии, так и в работе секции по работе в деревне XII-го С'езда РКП, и в главнейшем подтвердились. Это показывает, что при всем многообразии различных районов Республики хозяйственный и культурный уровень страны выдвигает в условиях новой экономической политики одинаковые основные задачи в значительной части СССР. Тем более важно—немедленное практическое дело в области кооперирования крестьянства, в области переделки советского аппарата, в особенности работающего в крестьянских массах, наконец, в области культурно-политической работы в крестьянстве, поднимающей крестьянина на ту ступень грамотности, сознательности, уменья культурно хозяйничать, которая открывает возможность осуществления социализма...

Чем труднее успех в этой области, тем серьезнее должна быть работа, тем больше внимания должно быть уделено ей партией.

Каждый случай действительной помощи кооперации крестьянину, каждый случай и способ изгнания жулика из советского аппарата, каждое достижение в области школьного дела или создания и распространения крестьянской газеты—должны быть изучаемы партией для того, чтобы частичное и единичное все в большем и в большем размере делать общим и массовым. В этом одна из важнейших партийных задач по отношению к деревне в ближайший год. Это же будет исполнением указания **Ленина**, который писал еще полтора года назад—17-го марта 22-го года: „Лучше взять данные практического опыта, хотя бы даже по одному уезду, хотя бы даже по одной волости и разработать их не академически, а практически: учитесь, любезные комбюрократы, вот то-то не делать (конкретно, примерами, наименованием мест, с точным указанием фактов), а вот то-то делать (тоже конкретно)“...

В корне переработана глава о крестьянском хозяйстве,—в остальные главы внесены лишь незначительные изменения и дополнения. Еще раз хочется отметить работу курских статистиков, в частности тов. **Введенского**, председателя Курского Губстатбюро, дающих пример того, как беспартийная интеллигенция может и должна сотрудничать с коммунистической партией в труднейшем и важнейшем деле культурно-политического и хозяйственного под‘ема деревни.

Автор.

22-го июня 1923 года.

Вместо предисловия.

В своей работе я записал добросовестно, что видел и слышал во время обследования Никольской волости Курской губ., которое производил совместно с 9 статистиками и 4 коммунистами—крестьянскими работниками по поручению ЦК РКП.

Благодаря работе курских коммунистов и всего курского статистического аппарата удалось собрать материал, могущий представить некоторый интерес для партии.

Основные выводы социально-экономического характера могут быть сделаны, конечно, прежде всего на основании того цифрового материала, который дает подсчет 775 заполненных подворных карточек. Но я решил присоединить к этому материал и бытового характера, поскольку он помогает освещению экономических и политических процессов. Надеюсь, что строгие защитники обязательности скучного тона в книжке партийно-политического характера простят мне эту вольность.

Те предложения, которые в брошюре связываются формально только с опытом Никольской волости, не представляют собою „выдумки“,—а лишь попытку обобщения тех новых методов работы среди крестьян, которые пробиваются в разных местах СССР и которые должны быть в ближайшее время во что бы то ни стало подняты всем партийным миром.

Конечно, в любой губернии найдутся села и волости, в которых дело обстоит лучше, чем в описываемом районе. Но суть не в лучших, а в средних и худших волостях. Надо, учтя то, что дают худшие, выделить, выдвинуть основное, чтобы сдвинуть дело осуществления руководства крестьян рабочим классом.

В приложении даны таблицы, иллюстрирующие некоторые положения главы о хозяйстве деревни. Я дал эти таблицы в максимально простой форме, чтобы облегчить их понимание. Хотя выводы, из них вытекающие, лежат по линии экономического развития деревни и подтверждаются рядом имеющихся материалов, но обобщить их можно, конечно, лишь при условии проверки по основным сельскохозяйственным районам.

Автор.

23-е марта 1923 года.

I.

Крестьяне.

Деревня с дороги. В 2 дня собрали экспедицию: 9 статистиков, заведывающий губземотделом т. Прядченко, председатель сельскохозяйственной кооперации т. Матохин и 2 представителя Курского губкома т.т. Кукин и Кривин.

В течение нескольких часов собрали 7 пар лошадей из разных ведомств, и двинулись в дорогу.

Можно ли было в старое время в 2 дня поднять на ноги и двинуть в деревню за 50 верст, в холод, в наспех полученных в разных местах тулупах и полушубках представителей губернской бюрократии?!...

Достаточно от‘ехать несколько верст от Курска, чтобы почувствовать дыхание гражданской войны.

Огромные пространства безобразно вырубленных лесов, пни необыкновенно больших размеров. Где-то, недалеко от дороги, нелепо торчащее сохнущее огромное дерево с обрубленной верхушкой: у хищника не хватило сил срубить дерево целиком—он половину его оставил.

Часто—через каждые несколько верст—зияющие окна неуклонно обваливающихся бывших экономий, без крыши, без следов дверей.

В деревнях бросаются в глаза окна крестьянских изб. Стекла редкость—принадлежность поповских домиков. В большинстве—окна заклеены всякого рода тряпьем, забиты досками, замазаны глиной. Очень часты избы, в которых от окошек остались только небольшие, в 4—5 вершков, отверстия,—остальное все заколочено. А тут же ряды новых изб, только недавно сколоченных,—из каждого кусочка их сруба глядит их революционное происхождение.

Еще по дороге узнали средство отличить школу от всех прочих крестьянских домов: если у дома нет окон и дверей—значит, школа. Проверили на одном, на другом селе—примета оправдала себя вполне. Также оправдала себя и другая примета: поповский дом—тот, на котором железная или тесовая крыша, цельные стеклянные окна и свежесть недавнего ремонта.

Почти в каждой деревне, большей частью на краю ее, можно найти следы пожарного обоза: валяются остатки насоса. В одном из сел—следы пожарного сарая, от которого осталось несколько вертикально стоящих бревен и чудом уцелевшая крыша. А пожары в Курской губернии в последнее время чрезвычайно часты, при чем, если пожар уже начнется, то берет все дома сплошь. Ряд таких пожаров был в Фатежском и Дмитриевском уездах.

Старики, которых встречаем по дороге, низко кланяются—наследие рабских времен. Молодежь смотрит с интересом, далеко провожает глазами непонятный обоз.

У одной из церквей встретили массу народа,

в том числе и молодежь. Спросили, что делает такое множество—ответ: „говеют“. В доме, где остановились на ночлег, узнали, что вышло от местного отца распоряжение, что не будет венчать тех, кто не говеет. Отсюда—необычайная набожность даже озорной молодежи, не склонной особенно терять времени на стояние в церкви.

По дороге, почти в каждом селе—одинокие курные черные хаты,—без труб. Дым просачивается сквозь всю соломенную настилку крыши. У одной из подобных хат—подслеповатый ребенок, щурясь и прикрывая руками глаза, смотрит нам вслед.

Такая хата в одном из сел, с маленькими, чуть пропускающими свет окнами, меня особенно заинтересовала. Остановили наш обоз—решили ее „обследовать“. „Обследование“ было коротко: войдя в хату, застали самогонный завод в полном действии. Мутный самогон капал в подставленный стакан; огонь ярко горел, направляясь, конечно, не в трубу, имевшуюся, но незамеченную нами, а прямо через соломенную крышу на воздух.

В две минуты старик-варщик с трясущимися руками и сын его, пытавшийся что-то говорить нам, жалобно цепляясь за рукава пальто, порубили все части аппарата, вылили самогон и передали нам трубку, которую, как трофей, мы двинули с собой дальше в волость, нами обследуемую.

Административным властям решили о происшествии ничего не доносить, дабы не портить отношений с крестьянами.

Ветеринарный фельдшер деревни Полевой, у которого остановились ночевать,—типичный крестьянин по виду. С энтузиазмом рассказывает о бывшем кулаке, обобранном революцией, который внес весь продналог раньше всех. Одутловатое лицо, подслеповатые глаза. Изможденная, день и

ночь, очевидно, работающая жена. Получаем практическое крестьянское раз'яснение постов:

— „Мяса каждый день не имеешь все равно; а с постом выходит, что мясо не ешь не от недостатка, а для бога.. все-таки легче"...

Обстановка со следами ликвидации помещичьего землевладения: дом, в котором живет фельдшер, принадлежал бывшему купцу.

В Полевой разговорились с председателем—бывшим красноармейцем. Предыдущий председатель—бывший стражник. Долго не могли выбрать нового—никто не соглашался итти председателем. бывший красноармеец „ходит" председателем уже несколько месяцев, имеет интерес к общественной работе.

— „Трудно только: помощи общественной нет, а приказы из волости все сыплются"...

Рассказывает, что много бедняков поднялось и от земли, и от леса. Беднота лучше относится к Советской власти: богатый, как его новой экономической политикой ни корми, все скрипит,—вида, конечно, не покажет, а скрипит. Из старых кулачков кое-кто подниматься стал...

Тут-же узнаем, что все крестьяне теперь просвещены насчет того, как образуются облака. Образуются так же, как самогон: сначала пар подымается, после охлаждается и превращается в воду—точно так же, как самогон в аппарате: пар охлаждается и превращается в самогон. Так что теперь, благодаря „самогонному просвещению", немного уже найдется доверяющих божественному происхождению облаков.

Благодаря большому рыбному делу, кто имеет снасти для рыбной ловли, тому легче „подняться"; многие „подымаются" и от рыбы, в особенности теперь, когда продажа пошла сильнее.

Приехали в волость, расположенную в торговом поселке Солнцево. Нельзя не признать, что испуг наш обоз сначала вызвал не маленький. Дошел уже слух о нашем „обследовании“ курных изб. Вообще, беспроволочный телеграф в деревне показал себя с лучшей стороны. Через пару дней после нашего приезда слух о нас прошел за десятки верст.

И со следующего же дня стали заваливать нас жалобами на всех, кого угодно,—на местную власть, на власть уездную, на соседей, на комитеты взаимопомощи (больше всего на соседей—из-за земли).

Совместно с представителем волисполкома отправились в село Никольское, чтобы расположиться и приступить к работе.

В волости активное участие в нас принял агент уголовного розыска—коммунист—который усомнился в подлинности наших мандатов, так как ни подписи Калинина, ни подписи Куйбышева никогда не видал, а никаких доказательств их подлинности мы, конечно, привести не могли. Решил вопрос перевес сил: нас было 14 человек, а он один—это было лучшим доказательством правильности наших мандатов.

Сход. Через час—крестьянский сход. Сельскй сход собрался в Никольском в небывалом количестве: прослышали о приехавших из центра. Поражало крестьян количество—14 человек из центра не видало еще село за все время революции. Первое подозрение о каком-нибудь новом финансовом или продовольственном налоге, связанном с нашим приездом, не оправдывалось нашим количеством: налоги теперь об'являют одиночки, а тут 14 человек.

Доложили сходу, что Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет желает узнать крестьянские нужды и помочь крестьянам, что с этой целью мы изучим восемьсот крестьянских дворов и просим крестьян давать все ответы добросовестно и честно. Никаких налогов на них не наложим; все материалы прямо отвезем в Москву. Слушали нас молчаливо, серьезно и не через чур доверчиво.

После наших речей, несмотря на все просьбы задавать вопросы,—вопросов не задавали. Продолжали смотреть все с той же хмурой недоверчивостью, явно подозревая в нас какой-то новый коммунистический фокус. Молчанье прервал один из крестьян вопросом о том, нельзя ли вернуть обществу землю, которая отведена несколько месяцев назад под сахарный завод. После министерского ответа заведывающего губземотделом на вопрос о земле под сахарные заводы, собрание было закрыто.

Собственно, сход начался после закрытия, когда крестьяне начали опрос о действительных целях приезда... К вечеру, когда несколько крестьян было опрошено, и тот же беспроволочный телеграф разнес по всему селу и далее, что мы спокойно и деловито узнаем у каждого крестьянина о состоянии его хозяйства, интересуемся всеми его нуждами, не топаем на него ногами и платим за с‘еденное—недоверие стало сглаживаться, а через день и совсем исчезло.

Еще в первый вечер усиленно обсуждался вопрос, что целесообразнее: уменьшать ли свои достатки или, наоборот, увеличивать. Преувеличишь, а тут скажут: „у тебя слишком много, отдай бедноте“—вред выйдет; уменьшишь, а тут вдруг скажут: „плохо работаешь“, или придумают для по-

правки хозяйства такое, что после совсем пропадешь,—опять плохо...

Долго обсуждали министерские головы села Никольского—да и не только села Никольского—эту проблему, но на второй день нашего опроса она фактически была снята. Крестьяне легко примирились с нашей работой и поняли ее необходимость с той минуты, как увидели, что непосредственно им никакого вреда не будет. Помогло нам решение представителями губернской власти, участвовавшими в нашем обследовании, ряда крестьянских просьб, направленных к уездной и волостной власти.

За время нашего пребывания в деревне много ярких фигур прошло перед нами, олицетворяя ту или иную абстрактную экономическую категорию.

Отец Александр.

Вот отец Александр—толстый, рыжий, огромный, с руками, на которые сесть свободно можно. Принимает нас весьма холодно:—„Думалде, что вы меня обойдете".

Отвечает прижимисто, слова выкорчевывает, совсем как крестьянин, не могущий сосчитать своих десятин, но себе на уме. Предварительно обдумает, обсосет и, только пожавшись немного, ответит.

В комнате рояль, качалка, глобус, никелевый самовар, буфет, цветы, умывальник.

Попадья у печки жарит что-то, чего в крестьянских хатах мы не видели. Прислушивается к разговору внимательно, изредка прорывается откровенностью. Отец при этом поблескивает сердито в ее сторону.

Это от попадьи мы узнали, что свадеб хотя и много бывает, но народ нынче пошел такой, ко-

торый норовит сначала обещать платить, после пожениться, а после—надуть, не уплатить.

Книжек поп никаких не читает.

— „Два года назад дочка читала—и я почитывал“.

— „Какие же книги больше?“...

— „Всякие. И религиозные, и философские, и прочие“.

А попадья раз‘яснила поповскую ученость:

— „Тут у нас и Шеллер Михайлов был, и Льва Толстого книжечка была“.

Газет никаких не читает, и на вопрос о газете смеется торжествующе:

— „Газеты?... Боже, помилуй! откуда кто возьмет 30 миллионов для выписки? Разве в волисполкоме есть. Да кто их знает; у нас в селе никто не читает и не выписывает“.

Плату с крестьян взимает трояким способом: с души, да за требы отдельно, да услугами по соседству.

— „О живой церкви... Только разговоры, что о живой церкви“...

И сразу спохватившись:

— „Да мы о ней-то и не слышали почти что ничего. Вот сейчас только от сентября журнал „живой церкви“ получили... Там поживем, посмотрим, что будет. „Живая церковь“, ведь, молодая“...

— „К выборам в совет не допускают... Да если бы и допустили, не пошел бы“...

Хозяйство у попа было большое, десятин 16 церковной земли было до революции. Сдавал землю в аренду.

Дочек в Курске воспитывал. Революция не только лишила его земли,—она поставила его в зависимость от общества: захочет—выделит ему

из общественной земли, не захочет—не выделит. Деньги вымогать приходится.

Неудивительно, что, несмотря на недурное сравнительно положение, отец „скрипит“ при упоминании слова „коммунист“.

К удовлетворению комсомольцев могу сообщить, что они, по мнению отца Александра, самые ретивые и заядлые коммунисты. Боюсь только, что это мнение основано на неправильном представлении батюшки о коммунистах и еще более неправильном о „максомольцах“, как о хулиганистых хлопцах и босяках.

Надела отец не берет, хотя получил бы, если бы попросил. Брезгает. Оправдывает себя, по этому случаю, совсем по-апостольски:

— „Если уже я плохой поп, то пусть лучше буду плохой поп только, чем быть и плохим попом и плохим крестьянином“...

Поинтересовался я, не говорит ли в отце Александре хоть немного чувство „интеллигента“ при взгляде на школу, в которой церковный сторож поместил свою корову и лошадь. Оказывается, говорит при этом в нем только чувство обиженного кулака. Рассказал нам, что школа была хорошая в церковно-приходское время, а после, как отошла „к этому... как его... народному образованию,—опустела она, окна оказались побитыми, двери выставленными,—ну мы ее и взяли под лошадь и корову“.

У попа были две коровы; одну общество постановило взять для Красной армии. „Я,—говорит смиренно отец,—и отвел ее“. А крестьяне после рассказывали нам, как боролся поп за эту корову, как в чека за нее пошел, сидел;—боролся за корову прямо героически...

С кротким сиянием в глазах рассказал нам

отец о том, как у него просили однажды коммунисты ячейку освятить, что некий коммунист читает у него апостола в церкви, что, кроме Красной армии, и „прочие" у него в доме стоят очень часто. Тут же попадья сообщила, как крестьяне собрали на ремонт церкви и пропили на самогон.

А крестьяне, которым мы в сторожке, когда шел опрос, рассказали о батюшкиных ответах, ругались матерно:

— „У попа рояль, а у меня рояль на печке пятью голосами кричит—хлеба дай,—а хлеба то и нет"...

Восемь человек кормит приход: двух попов, одного псаломщика, одного регента хора, одного дьякона, одного „титора", „подтитора", церковного сторожа...

Молодежь отозвалась о попе более, чем непочтительно, но такова сила инерции крестьянской жизни, что эта непочтительность ничуть не мешает тем же крестьянам более или менее аккуратно исполнять все обязанности по церкви и более, чем аккуратно, венчаться и крестить у того же попа.

Кулацкая почка.

А вот тип кулацкой почки—**кулак в почке: он распустится в ближайшие** год—два. Было у него до революции 8 десятин, одна лошадь, две коровы, десяток овец. Прирабатывал на помещичьей плантации в качестве приказчика, надзиравшего за крестьянскими посевами свеклы. Рублей 700 зарабатывал на сахаре в сезон. Революция всего его лишила. Крестьяне раз'яснили, как „служащего" от земли. С ликвидацией помещика исчез доход от сахара. Занялся изготовкой валенок,—так и проживал, так и пробился тяжелое время.

На голодный год уехал в Донскую область, где работал в Райпродкоме заведующим тарой. Посещал там собрания коммунистической ячейки, с уважением отзывается о ней:

— „Был ее членом директор гимназии"...

Слушал на собраниях ячейки, что другие говорили, и сам говаривал—большей частью об анархизме. При всех крестьянах заявляет, что в бога не верит с 5-го года.

„На революцию не обижаюсь, потому понимаю—стихия". Но говорит это без большого спокойствия.

Газетой интересуется, ходит читать ее в волисполком и заготовконтору, но не выписывает—дорого. Пустяковым слухам не верит, про крестьян говорит с пренебрежением—что „неграмотные всему поверят, даже, что Китай Москву взял"...

Мы нарочно проверили—действительно, и этому крестьяне поверили.

Вид у него благообразный, борода широкая, большой лысый лоб,—но глаза бегают. Вмешивается в разговор, подсказывает другим ответы, имеет громкое мнение по разным вопросам. Собрал группу в 20 дворов, выходящую на отруба. Весь сияет при перспективе хозяйственного под'ема. Доказывает, что дально- и длинноземелье требует вдвое больше времени на работу, чем хозяйство на одном куске; предпочитающие остаться в общине возражают, но не слишком твердо,—месячную потерю признают и они (в этом районе среднее хозяйство имеет по 15—16 кусков в разных местах), но выход на хутора или отруба признают возможным только для крепких крестьян,—а „кулацкая почка" при этом посмеивается хитро...

Безнадежный. Опрашивали мы при нем живущего в землянке молодого хозяина—тупого, забитого, безнадежного в отношении под‘ема. Кулацкая почка над его ответами посмеивалась, явно издеваясь, подсказывала несуразицу, которую покорно и тупо повторял опрашиваемый.

У этого бедняка робкий, сжавшийся вид. Зовут его Василий Филиппов Скиндарев, но все вокруг величают его Васькой.

Отец его—суровый „кнут“. Доверие к нему мужики имели. Когда делили барскую экономию отказался он что-либо получить, ибо чужое добро впрок не идет. Это-же, под ехидное одобрение слушающей „почки“, повторяет и сын.

Был в Красной армии, но при всей своей тупости дальше хозяйственной части в Курске не пошел и даже грамоте не научился.

Не ужился в отцовском доме с невесткой, отделился от отца, получил на 3 души земли и землянку и живет. Про кооператив ничего не слышал. Германии и Франции не разбирает,—что эти слова обозначают, где они находятся. В Красной армии газетой не интересовался. Лошадь для полевых работ давал ему сосед за пай сенокоса и полтора пуда овса. Рассказывает про это старыми рабскими словами: „Благодетель смилостивился“.

За революцию двумя тифами переболел. За 600 верст за хлебом ездил на крыше, на подножках,—но и это не помогло подняться. Не повезло: смог только обзавестись коровой в те уже легендарные для курских крестьян времена, когда за бабьи тряпки мужики на Украине давали и коров, и лошадей, и хлеб.

Безнадежен в хозяйственном отношении, не

подымется. Неизбежно пойдет по крепким крестьянским хозяйствам батраком. И на любом собрании, по любому вопросу будет голосовать за кулака, за очередного „благодетеля“.

Фронтовый большевик. Перед нами типичный фронтовый большевик 17 года, из второразрядников. В середине 1917 года демобилизовался. До революции арендовал землю в экономии и у отдельных крестьян. Говорит, что до революции, известно, „вся земля у царя да у пана была“. Всю жизнь метался между крестьянским хозяйством и городом. И во время революции подрабатывал на стороне, служил грузчиком на железной дороге, а получаемые фунты хлеба нес в хозяйство. После недорода 20 года побирался, чтобы собрать несколько мешков на семена,—и этим способом пробиться, продержаться, не сдать хозяйства. Таких мы встречали неоднократно.

Еле ворочает тяжелые, как десятины земли, мысли; помогают ему отвечать несколько соседних домохозяев. Возраст сына определяет то в 13, то в 14, то в 15 лет—„не считал годов за неграмотностью“.

Изба вся покосилась, прогнила; крыша просвечивает. Грязь, дым; в грязи ребенок.

В продналог отдал почти все, что собрал, а чтобы протянуть эту осень, продал поросенка, продает плуг.

На вопрос о том, надеется ли поднять хозяйство, отвечает о другом, долго, очевидно, передуманном:

— „Вот тогда-то хлеба вдосталь поем“...

„...Было четверо дочерей, да все...“ (Мы подсказываем: „замуж выдал?“)

— „Да какое, выдал.—Сами поразошлись“...

А у хозяина сын, озорной с виду, отвечает за отца, прерывает отца ежеминутно. Отец про него с необыкновенным оживлением говорит:

— „Ушел в максомольцы, через год только отец с матерью узнали, - никакого уважения к отцу не имеет“.

„Максомолец“ женился, попу обещал уплатить да надул—не уплатил за свадьбу“,—рассказывает нам об этом с гордостью.

Крестьяне при упоминании об этом комсомольце смеются:—„Он теперь-то за отца и за деда помнит, потому что не работает. Как работать начнет, все позабудет...“

Этот „максомолец“ всем занимался, вплоть до работы в Ревтрибунале. А действительные комсомольцы после сообщили, что был у них такой член, но в прошлом году выбросили его—„вор, бездельник, пьяница, только дискредитирует Союз Молодежи“.

Эта семья сгноила 15.000 николаевских, дедовских; прятала их до последнего времени; хватилась за них прошлый месяц, а за них почти ничего не дают. Об этом нам рассказали соседи.

Егор Павлович.

Мы близко познакомились с Егором Павловичем Горбачевым, у которого заняли одну комнату под наше общежитие. Его отец еще держал торговлю—лопнул в 15-м году.

За время революции работал по разным хозяйственным учреждениям, но средств своих при этом, явно, не растерял. Был одно время даже сочувствующим РКП (о чем сообщил нам с явным смущением).

Имеет 5 амбаров по селению, из которых один сдал под лавку. Амбары считает своими и с гордостью сообщает, что один амбар сдан им

бесплатно под ссыпной пункт. На наш вопрос, не считает ли ссыпной пункт этот амбар своим, ничего не отвечает.

Все время настороже, ко всему присматривается.

Торговать теперь начал не сам, а в компании с арендатором своего помещения. С апреля думает начать сам, хотя не прочь действовать и в качестве председателя кооператива—очевидно, по образцу других, думает, что это будет не менее выгодно.

В селе авторитетен. Хотя числится только сборщиком податей, фактически председатель совета во всем его слушает. И не удивительно: он и газеты почитывает, и в законах разбирается, и грамотен хорошо.

Богомолен, не ест скоромного во время поста—особенно когда жена видит. Ночью, тайком кусочек сала проглатывает.

Был во время войны с ним случай такой: выпил четверть денатурату и остался жив.

„Благодетельствует" немалое количество народа. По благодетельству и доброте своей принял к себе девочку, живущую у него и работающую на него. Держится с достоинством. Даже красноармейская молодежь относится к нему с явным почтением.

От него к отцу Александру тянется нить фактической власти над селом.

Несмотря на всю его осторожность, прорывается иногда старое: рассказывает нам крестьянин о белых, броневик которых забрал сотню овец у села Никольского. А Егор Павлович даже вскипел:

— „Это пастух виноват во всем был: подвел

овец к броневику, да к тому же сказал, что они советские. А белые и подумали, что они не общественные, а советские". Откуда он знает, что подумали белые—остается его тайной.

В другой раз бывший председатель совета—ныне член церковного совета, пришедший, изрядно выпив предварительно самогона, просить о крестьянских земельных делах, рассказывает нам о делах белых, энергично поминая чорта. Егор Павлович даже вскочил от нетерпения: „Ты, вот, все чорта вспоминаешь, а бога, небось, не помянешь—какой ты член церковного совета"... Бывший председатель совета пускает еще несколько ласковых слов по поповскому адресу и снова принимается чистить белых, клянясь при этом во всех видах преданности Советской власти. Егор Павлович усиленно переводит мысль ходатая на вопрос о земле. Тот, подчиняясь, очевидно, привычному руководству, забывает на этот раз о белых и снова подымает о прежнем: о том, что у села Никольского землю забрали под завод, а у соседнего села на душу выходит поэтому почти на пол-десятины больше, чем у никольских крестьян, о том, что надо землю от завода отдать обратно крестьянам"...

В вопросе о школе Егор Павлович двуличен. С одной стороны, пишет председателю бумажки о школе и даже сам берется ехать хлопотать, с другой—явно враждебен идее открыть школу в частном доме, проданном крупнейшим местным купцом Дьяковым во время пребывания белых одному из железнодорожников. Он смазывает и, думается, смажет вопрос об обучении детей.

У самого дом в семь комнат, ничем не напоминающий крестьянской хаты. Типичное поповское жилье.

Имеет возможность „благодетельствовать“, кроме девочки, еще одного старика—бывшего рабочего Мокеевского завода.

Бывший формовщик. **Старик был формовщиком**, а после—по старости—сторожем. Десять месяцев с завода. Приехал, потому что на заводе рассчитали и дочь и сына, а на 2—2$^{1}/_{2}$ фунта семьи не прокормишь. Приехал к невестке в отцовскую хату—не пустили. Нанялся к Горбачеву, все лето работал,—зато получил место в летней кухне, старые штаны, рубашку, харчи на одного на лето. Двое детей летом стерегли овец по дворам (за 20 пудов хлеба и картошки), дочь и жена поденно работали за хлеб. Теперь служит в заготконторе сторожем.

Пол-десятины озимых уже засеял, надеется яровых засеять больше.

Приглядел на дворе волисполкома трехстенку, председатель волисполкома обещал дать ему этот сруб со своего двора, а, при наличии „хаты“, крестьяне дадут землю из общественного фонда. Надеется подняться—по всему видно, что выбьется. На завод не вернется ни в коем случае—стар стал, да и завод „обманул“...

Пашков Николай Михайлов. Имел до революции 40 десятин земли. В аренду земли не сдавал, обрабатывал рабочими. А после революции отвели ему на три души 3$^{1}/_{2}$ десятины, да теперь новая дочь родилась, получает еще десятину с четвертью—итого будет 4$^{1}/_{2}$ десятины. В 16-ом году продал 400 пудов хлеба, а в 20-ом пришлось купить 5 пудов, в 22-ом—4 пуда, чтобы прожить. Была у него и жнейка, и веялка, и крумер—все пришло теперь в негодность. В эту зиму починил веялку.

Это не торговец На вопрос о торговле от-

вечает: „Мы в торговле не специалисты, нам бы в земле копаться“. При вопросах, сопоставляющих прошлое с настоящим, весь напрягается, в глаза не смотрит,—чувствуется огромная неизбывная обида.

Малограмотен, смотрит исподлобья. От тридцатидесятинного старого добра только пальто городского покроя осталось, пришедшее в полную ветхость. Штаны из рваного мешка.

Хозяйство у него в 20-ом году „совсем духом пало, думал, что труба“. Так и говорит: не он „духом пал“, а „хозяйство духом пало“... Полное отождествление себя с хозяйством...

Усадьба, хоть старая, но—остаток прежнего—держит ее хозяин в чистоте.

Твердо стоит за самогон, в крайнем—за монопольку.

— „Бывало, надо раньше десять рабочих,—поставить ведро — тут тебе 15 налицо, а теперь, если кто нужен,—кланяйся, кланяйся, проси, проси“...

И так в нем старая кулацкая черта сидит, что, хоть ему теперь думать не приходится о рабочих, но все же радеет он о хозяине, которому отсутствие монопольки и борьба с самогоном затрудняет наем рабочих за дешевку.

В Красной армии к газете привык (он был и в Красной армии), а теперь „не приходится“...

Как все более зажиточные крестьяне, сидит и слушает все дни опроса крестьян, явно интересуется нашим делом. Изредка вскинет необычайно для крестьянина напряженные глаза, а затем сразу, как будто ничем не отличается, кроме остатков городского пальто, от остальных крестьян...

Побираются. Зашли как-то к нам в хату двое ребят. Дети брянского рабочего. В 21 ом году отец сбежал с брянских рудников от голода. Забойщиком был. Мать людям белье стирала. Теперь слышал о том, что забойщикам жить возможно, но не едет,—земля отравила уже.

Дети побираются не только для прокормления, но для накопления на семена.—Десятина земли есть уже.

Дети коров с весны погонят—землю запашут с исполу.

Отец тоже побирается да лапти плетет.

Мальчики смышленные, сразу чувствуется, что городского производства. На будущий год „хлеба заработаем, приоденемся, в школу пойдем"... Разговаривают с нетерпением,—жаль тратить время. Сколько хлеба мы им ни давали,— торопились, чтобы собирать дальше. Нельзя тратить драгоценного времени на пустые разговоры.

Семья Гридасовых. Шесть сыновей у старика было, с женами и детьми каждый. Хозяйство старинное—еще дед, государственный крестьянин, сто десятин купил. У отца же к революции 40 десятин было. На три хаты жили—не делились. Всех дочерей старик при жизни замуж выдал. В двадцатом только году умер 85 лет от роду, и жена его умерла тогда же 78 лет. Еще долго бы жил, рассказывают сыновья, да белые выпороли, когда поймали с угнанным от реквизиции скотом, и он с испугу помер.

34 человека жило у хозяина под рукой. Кушать на две хаты сходились—старые отдельно, молодые отдельно. Отец палкой учил. Братья между собой не ссорились, только со старшим—

лодырем—ругались. Если всех собрать,—сыновей с их детьми и внуками, дочерей с их детьми и внуками,—то целый хутор на 200 душ образуется. У пятого сына сыновья уже делиться хотят. У старшей сестры—19 душ детей. „Корень здоровый“,—говорят мужики. Только старший один—лодырь—ни хозяйство, ни семейная жизнь у него порядком не идут. Три жены было церковных, а четвертая „расписывалась“—тоже ушла. Хотя хороший с виду, красивый, поговорить мастер,—но работать не хочет и не умеет. Все у братьев норовит обедать... Неудачник во всем. Задумал хату строить. Сил не хватило—не достроил, бросил. А ее всю и растащили. Многое за революцию братья повидали. Один был в Румынии, даже в Англии, с полком, говорить умеет порумынски; другой—в Галиции и в Румынии, третий в Восточной Пруссии; четвертый—до Перекопа доходил, случалось и газеты, и брошюры читал...

К самогонке у братьев тот же подход, как и у Пашкова—„При самогонке, или если бы монополька была, все работали бы; нужно десять лошадей—пойла поставишь и найдешь“:

Когда одним хозяйством жили, было 40 десятин у отца, 9 лошадей, 6 коров. За революцию поделились. Если взять все шесть вновь образовавшихся хозяйств, то и половины прежнего не будет. Оправдывают необходимость дележа тем, что при отце „отцу всякий работник, а тут хоть плохой, да сам себе хозяин будешь, хоть над бабой похозяйничаешь“.

Пока еще не осилили подняться, но идут пять братьев одинаково. Говорят: „За революцию не подымешься“.

Раньше любили сало есть, а теперь „хрену

не хватает“. В 16-ом году 700 пудов хлеба в год продал и своим помогал—хозяин **полный** был: четыре бороны, косилка, веялка, молотилка и т. д. А теперь, как поделили все, по пол-орудия на хозяйство не придется. Белых братья ждали, как спасителей, а они себя повели, как „скоты“.

Брат брату помогает, берет нужное „по уважению“. В голодный год все продавали, скот за хлеб, тряпки возили на Украину, а теперь **хлебом передохнули, а хозяйством еще нет**.

У всех аккуратные тулупы, здоровые лица, чистые гимнастерки, крепкие мозолистые руки.

Насчет партии один из братьев говорит с упрямством и с ненавистью в голосе: „Признаю за правильную партию, только неправильных между правильными слишком много... А что до пропаганды, то я ее не слушаю; терпеть я ее не могу, а этих, которые пропагандируют... Подсядет и пропагандирует .. не знаю, чтобы сделал с ним... А против высших органов я ничего“...

Что он понимал под словом пропаганда—не понять было, но сразу чувствовалось, что здесь таится глубокая ненависть зажиточного мужика к тому, что навалило на него из города и расшатывает его исконную, от дедов, сто лет живших, идущую жизнь.

А все присутствующие крестьяне с большим уважением поминают старика: „Богач был, знаменитый богач“...

II.

Крестьянское хозяйство начинает подниматься.

Опрос производился по трем датам: 1917 г., 1920 г. и 1922 г. Таким образом, подсчет обнаруживает изменение состояния хозяйства на период революции—от 17-го года к 20-му г. и за время новой экономической политики—от 20-го к 22-му г. Для учета наметившихся и намечающихся сдвигов в деревне существенны не столько и не только результаты действия 5-ти лет революции в целом, сколько изменения в характере и направлении ряда социально-экономических процессов от первого периода революции к периоду новой экономической политики.

Новая экономическая политика, в связи с окончанием гражданской войны и удовлетворительным урожаем прошлого года, создала базу для под‘ема крестьянского хозяйства. Этот под‘ем, при всей своей медленности, определился к настоящему времени достаточно четко.

Недосев. Заканчивается „овладевание“ крестьянами помещичьей землей. Крестьяне подымают полученную от революции землю. В исследуемом нами районе, где крестьян на каждом шагу окружала помещичья земля, при

ликвидации помещичьего землевладения, крестьяне получили очень много. Их землевладение выросло с 3.008 дес. в 1917 г. до 4.962 дес. в 1922 г., т.-е. на 65%. Не сразу крестьяне овладевают полученною ими от помещиков землею. Об этом процессе овладения можно судить по размерам посевной площади. В 1920 г. недосев равняется 551 дес, в 1922-ом году—недосев всего лишь 363 десят., т. е. крестьяне поднимают уже 81% всей помещичьей земли. Озимый засев прошлого года и подготовка к яровому настоящего позволяют с полной уверенностью сказать, что в текущем сельско-хозяйственном году недосев исчезнет совсем.

Рабочая сила. Война и революция нанесли огромный удар крестьянскому хозяйству, выкачав из него огромное количество мужской рабочей силы на нужды фронта. Окончание империалистической войны возвращает деревне лишь часть оставшихся в живых мужчин. Только окончание гражданской войны ликвидирует недостаток мужской рабочей силы. По всем обследованным нами селам количество работников возросло с 577 в 1917 г. и 661 в 1920 г. до 872 в 1922 году. Это—результат окончания войны, в первую очередь, и, конечно, одно из самых существенных условий под'ема крестьянского хозяйства в многоземельных районах, страдавших к концу империалистической и во время гражданской войны огромным недостатком мужской рабочей силы. Во всех селах процесс увеличения мужской рабочей силы проявляется совершенно одинаково. (См. табл. 1-я).

Характерно, что подавляющую часть возвратившейся мужской рабочей силы поглотило земледелие. (См. табл. 2).

Покупка и продажа семян.

О начале под'ема крестьянского хозяйства с новой экономической политикой говорят цифры покупающих и продающих семена. Показателем высшего разорения был рост принужденных покупать семена к концу разверсточного периода. По всем обследованным нами селам число принужденных покупать семена с 1917-го года на 1920-й возросло с 33 до 176, т.-е. увеличилось больше, чем в 5 раз. С 1920-го года на 1922-й при новой экономической политике оно дает уже уменьшение с 176 до 138. Социально-экономическое значение этого падения числа хозяйств, вынужденных прибегать к покупке семян, подчеркивается тем, что во всех селах изменение числа хозяйств, покупающих семена, происходит совершенно одинаково, увеличиваясь к 1920 г. и уменьшаясь к 1922 г. (См. табл. 3).

Одновременно идет, конечно, увеличение числа хозяйств, не покупающих семян, обходившихся своими семенами: с 554 в 1920 г. до 634 в 1922 г. (См. табл. № 4 и 5).

Покупка и продажа хлеба.

Характерно для развития товарного хозяйства в связи с новой экономической политикой число крестьян, продающих хлеб. По всем обследованным нами селам количество крестьян, продававших хлеб в 1917-м году, было 53, к 1920-м году, вследствие разверстки и неурожая, оно пало до 12, т.-е. больше, чем в 4 раза. В 1922 же году продавало хлеб 155 хозяйств— в 13 раз больше, чем в 1920 году.

Число хозяйств, продающих хлеб, по каждому селу дает совершенно одинаковую картину резкого увеличения числа продающих хлеб при новой

экономической политике, по сравнению не только с 1920, но даже с 1917 годом. (См. табл. 6).

Часто встречающееся утверждение, что продажа хлеба идет исключительно для уплаты денежных налогов, не имеет достаточных оснований и не оправдывается данными, характеризующими продажу хлеба различными крестьянскими группами.

Обращаем внимание читателя на то, что процент продающих хлеб возрастает в соответствии с ростом посева. Это выявляется с чрезвычайной ясностью, тем более характерной, что общее число хозяйств, нами обследованных, было сравнительно невелико. В то время, как в группе хозяйств, имеющих от 0—4 десятин, продает хлеб только 17,5 %, среди хозяйств посевом от 6 десятин продает хлеб 30 %.

Уже это дает основание утверждать, что главная масса продавцев хлеба сосредотачивается в более мощных хозяйствах. (См. табл. 7).

Число хозяйств, покупавших, но не продававших хлеб, вследствие неурожая и обще-хозяйственных условий, от 1917-го к 1920-му году выросло с 135 до 353, а с 1920-го на 1922-ой пало с 353 до 300.

Для более наглядного изображения изменения товарности хозяйства за время революции приведем одну таблицу, которая суммирует все эти данные. Из нее видно, как процент хозяйств, принужденных **докупать**, увеличивается к 20-му и уменьшается к 22-му году, оставаясь все еще почти в 2 раза больше соответствующей цифры 17-го года. Процент хозяйств, продающих хлеб без одновременной покупки, уменьшившись было очень резко к 20-му году, дает еще больший скачек вверх к 22-му, почти в два с половиной

раза превышая число хозяйств, продававших хлеб в 1917 году. Процент же обходившихся своим хлебом, не покупавших хлеба, но и не имевших возможности хлеб продавать (потребительское хозяйство) уменьшается неуклонно с 17-го года. (См. табл. 8).

Рост товарного хозяйства проверяется также размерами государственной и частной торговли. Имеющиеся ярмарки восстановили до четверти дореволюционного оборота; „Хлебопродукт" продал товаров с 1 го августа, примерно, на 100 тысяч пудов хлеба (за 24 тысяч пудов хлеба, купленных у крестьян, заплатил деньгами), Районный Союз Кооперативов заготовил около 75.000 пудов хлеба (преимущественно в обмен на товары) и, наконец, частные легальные торговцы купили хлеба, примерно, на сумму, равную 12 % оборота государственных и кооперативных организаций (платили за хлеб, по меньшей мере на 3/4, товаром).

Этот рост продажи крестьянами хлеба тем характернее, что он происходит вопреки необычайно высоким ценам на продукты городской промышленности, которые расцениваются в хлебе в 3—4—5 раз дороже, чем в довоенное время.

Мелкие и мельчайшие хозяйства.

Мы допустили бы ошибку, если бы ограничились только рассмотрением волости или села в целом. Правильное представление о происходящем в селе мы можем получить, только рассмотрев группировку хозяйств по основным элементам, его характеризующим, и проследив строение отдельных крестьянских групп.

Соответствующие данные приводят нас к выводу, что процесс уравнения, нивеллировки, развивавшийся с большой силой в период 17—20 гг.

начинает сменяться другим процессом—расслоения. В общем хозяйственном под'еме, который переживает деревня, не одинаковое участие принимают различные хозяйственные группы. Хозяйственные отношения, созданные новой экономической политикой, приводят к тому, что начинают подниматься преимущественно средние и зажиточные хозяйства, в то время, как под'ем значительной части маломощных элементов затрудняется. Хотя кулачество, как массовое явление, еще не оформилось, но уже выясняется ясно кулацкий зародыш, кулацкая почка, в лице хозяйств, увеличивающих свою мощь путем сдачи в кредит сельско-хозяйственного инвентаря, семян и скота на тяжелых условиях, с помощью торговли или самогона, путем взятия земли в аренду и т. п. Данные, которые мы дальше приводим, подтверждают этот вывод целиком.

Наиболее характерным явлением, обнаруживающимся в группировках крестьянских хозяйств и по размеру семьи, и по посеву, скоту и землевладению, является распределение населения по более мелким хозяйственным ячейкам. Крестьянское хозяйство формируется в основном, как хозяйство мелкое и мельчайшее, о чем с изумительной прозорливостью писал тов. Ленин в своих последних статьях. Огромную роль в этом процессе играют разделы, увеличившие за время революции число хозяйств волости на 20,7 процента; 9,1 % хозяйств возникло путем раздела в 1918 г., 4,6 %—в 1919 г., 1,8 %—в 1920 г., 4,1 %—в 1921 г., и 1,1 % в 1922 году. (См. табл. 9).

В связи с этим характерно понижение среднего размера семьи, которое обнаруживается в группировке хозяйств по числу душ. Дворы многосемейные (15 человек и более на хозяйство),

составлявшие 2,4% всех хозяйств в 17-м году, составляют в 22-м только 0,5% всех хозяйств.

Крупно-семейные хозяйства (от 11 до 14 душ на двор) составляют в 1922-м году 3,9% всех хозяйств, вместо 6,1% в 17-м году. При почти не изменившейся группе хозяйств с числом душ на семью от 7 до 10, чрезвычайно резком сокращении хозяйств одиночек, несколько возрастают только группы хозяйств с средним количеством членов семьи на двор от 2 до 3 и от 4 до 6. **С исчезновением** условий 17—19 годов, когда увеличение мощности крестьянского хозяйства могло проходить за счет ликвидируемого помещичьего землевладения, в настоящее время и мельчайшие и мелкие хозяйства входят в период некоторой сравнительной устойчивости на фоне начинающегося общего хозяйственного под'ема страны. Поэтому мы можем говорить о мелком и мельчайшем крестьянском хозяйстве, как о хозяйстве наиболее типичном на целый исторический период. Этот важнейший с точки зрения практической политики партии вывод подтверждается всеми 7-ю обследованиями, произведенными Ц.К.Р.К.П. в марте 23 го года.

Группировка хозяйств по посеву.

Вся масса хозяйств по основному признаку с.-х. производства — посевной площади—дает группировку, чрезвычайно ясно характеризующую процесс отложения мелких и мельчайших хозяйств. К 20-му году возрастает доля хозяйств с посевом от 2,01 до 8,0 десятин, в то время, как резко уменьшается количество хозяйств малопосевных (с посевом до 2-х десятин) и многопосевных (с посевом свыше 8 д).

С 20-го на 22 год еще продолжается сокращение доли многопосевных хозяйств, при чем

это сокращение захватывает и хозяйства от 4 до 8 десятин. Процент же хозяйств с посевом до 2-х десятин, уменьшившийся в первый период революции, начинает возрастать с новой экономической политикой, и только наиболее типичная для мелкого хозяйства группа хозяйств с посевом от 2 до 4-х десятин продолжает возрастать. (Группа хозяйств с посевом до 1-ой десятины составляет в 22-м году 6,8 % всех хозяйств против 6,2 % в 20-м году, группа с посевом от 1-ой до 2-х дес. составляет в 22-м году 15,6 % против 14 % в 20 г.).

К 22-му году почти 2/3 всех хозяйств сосредотачиваются в пределах от 2,01 — 6,0 десятин посева. Рядом—одна четверть малопосевных („мельчайших“) хозяйств. Многопосевные составляют только $^{1}/_{10}$ хозяйств. (См. табл. 10).

Группировка хозяйств по землевладению.

Группировка хозяйств по землевладению обнаруживает увеличение с 20-го на 22-ой год доли малоземельных хозяйств. К 1920-му году доля хозяйств безземельных уменьшается в 11 раз по сравнению с 17-м годом; доля хозяйств до 1 десятины уменьшается в 8 раз, а хозяйств с размером от 1 до 2-х десятин—в 6 раз и, наконец, доля хозяйств с землевладением от 2-х до 4 десятин—уменьшается почти в 3 раза.

С 1920-го же на 1922-й год малоземельные группы начинают уже расти; группа от 1 до 2-х дес. составляет 2,5 % всех хозяйств, вместо 2,2 % в 20-м году; хозяйства, владеющие от 2-х до 4-х дес., составляют в 22-м году—11,5 %, вместо 10,3% всех хозяйств в 20-м (доля безземельных и с землевладением до 1,0 десят. остается почти неизменной).

Выпячивается чрезвычайно, по сравнении с 17-м годом, группа хозяйств с землевладением от 4-х до 10 десятин уже к 1920-му году, к 22-му году выпячивание этой средней группы еще продолжается, так что она составляет больше $^{3}/_{4}$ всех хозяйств в настоящее время. (См. табл. 11).

Группировка хозяйств по рабочему скоту.

Доля хозяйств, не имеющих рабочего скота, падает с 17-го на 20-ый и обратно—увеличивается с 20-го на 22-ой год. Неуклонно все время революции растет доля хозяйств с одной головой рабочего скота, составляя к 22-му году $^{2}/_{3}$ всех хозяйств. Абсолютное же число безлошадных в 22-м году (175) уже значительно превзошло количество безлошадных в 1917 году (146). (См. табл. 12, 13 и 14).

Если расчленить каждую посевную группу на подгруппы по рабочему скоту, то с полной ясностью обнаружится, что в группе хозяйств малопосевных в очень значительной доле отсутствует скот; среднее по посеву хозяйство является больше чем на $^{2}/_{3}$ однолошадным хозяйством, и только в многопосевных хозяйствах мы имеем, примерно, на половину, хозяйства с количеством скота больше, чем одна голова на хозяйство. (См. табл. 15).

Таким образом, мы видим, что группировки и по землевладению, и по посеву, и по скоту обнаруживают выпячивание за время революции средних (мелких) хозяйств, составляющих основную массу крестьянских хозяйств, наряду с определившимся усиленным ростом крестьянств маломощных („мельчайших“), особенно очевидным в период новой экономической политики. Число оформленных кулаков продолжает сокращаться и

при новой экономической политике, но последний год этому процессу противостоит начинающееся образование кулака, главным образом путем торговли, ростовщического кредита и т. п., хотя эти будущие кулаки еще в зародыше, почке, но их уже в волости по пальцам пересчитать может любой крестьянин.

Отличие нынешнего маломощного („мельчайшего“) крестьянина от „маломощного“ периода ликвидации помещичьего землевладения очевидно: „мельчайшему“ крестьянину, не имеющему лошади, лошадь приходится в настоящее время покупать, а покупка лошади, стоющей 300 и больше пуд. хлеба, чрезвычайно затруднительна для безлошадного крестьянина, принужденного значительную часть своего урожая отдавать в уплату за наем лошади. Число хозяйств, покупавших лошадей, в 1917-м году было 16, в 1920-м году—107, т. е. в 7 раз больше, в 1922 же году купило лошадей только 54 хозяйства, из которых только 17 принадлежит безлошадным.

Зажиточные, середняки и малоимущие.

Эти выводы проверяются данными о количестве рабочего скота и десятин посева на одно хозяйство у разных по зажиточности групп крестьян волости. Конечно, распределение хозяйств по степени зажиточности на „зажиточных“, „средних“, „маломощных“ чрезвычайно условно, хотя оно и произведено по совокупности ряда признаков. Но все же характеристика хозяйства каждой из этих групп очень показательна, поскольку она подтверждает выводы, получаемые другими путями. С этой оговоркой мы можем констатировать, что в то время, как в группе маломощных увеличение скота и посева к 20-му году сменяется уменьшением и того и

другого с 20-го года на 22-ой, в средней группе посев растет при некотором одновременном уменьшении с 20-го на 22-й год обеспеченности рабочим скотом, а в группе зажиточных растет обеспеченность скотом и размеры посева с 20-го года на 22-ой, в то время как то и другое падало с 17-го на 20-ый год. (См. таблицу 16).

Обеспеченность инвентарем.

Число хозяйств без всякого инвентаря остается почти неизменным за время революции: 168 хозяйств в 17-ом и 20-ом гг. и 172 в 1922 г.

Можно было предполагать, что условия гражданской войны, вызывая неизбежность разрушения, порчи и даже уничтожения инвентаря у всех групп крестьянства, уничтожат прямую связь обеспеченности инвентарем с размером посева. Обнаруживается, однако, обратное: так же, как и в 17-ом году, процент безинвентарных падает по мере увеличения размеров посева группы. В то время, как у беспосевных 93 % всех хозяйств не имеют инвентаря, в группе с посевом до 1 дес. 69 % безинвентарных, в группе от 1—2 дес. уже 42 % хозяйств, не имеющих инвентаря, в группе от 2 до 4-х дес. процент безинвентарных сводится к 17 %, а в группе от 4-х до 6-ти только 7 % хозяйств не имеют инвентаря; в хозяйствах, имеющих свыше 6-ти дес. посева, нет безинвентарных хозяйств. Мы видим, как неуклонно падает процент безинвентарных с увеличением размеров посева. (См. таблицу № 17).

Домашние промыслы.

Может служить материалом, характеризующим маломощные хозяйства и увеличение занятий домашними промыслами за время новой экономической политики.

Количество хозяйств с домашними промыш-

ленниками, уменьшившееся к 1920-му году до 114 с 126 в 1917 г., дает значительное увеличение до 148 в 1922 году.

Если эти хозяйства мы рассмотрим в соответствии с посевом, то обнаружим совершенно естественное преобладание занятий промыслами в семьях малопосевных крестьян.

Это преобладание хозяйств с промыслами в группе малопосевных надо отнести преимущественно за счет возрастающих препятствий к превращению в средняки путем занятия крестьянским хозяйством и тем самым неизбежно возникающего в этих хозяйствах стремления найти иной, дополнительный к сельскому хозяйству, источник существования. Некоторое увеличение процента хозяйств с домашними промыслами в группах с посевом от 6-ти десятин и выше об‘ясняется, очевидно, большим размером семьи у хозяйств с большим посевом, поскольку землевладение определяется количеством едоков. (См. таблицу 18).

Наем лошади. В обследованном нами районе аренда инвентаря и наем лошадей являются основными формами зависимости крестьян маломощных от крестьян более зажиточных, и хотя крестьяне сами и прикрывают эту форму зависимости понятием „родственной“, „дружеской“, „соседской“ помощи, но факты и цифры говорят сами за себя.

Число хозяйств, вынужденных прибегать к найму лошадей, растет непрерывно за время революции. Число нанимавших лошадей в 1920 г. превышает число нанимавших лошадей в 1917 г. в 2 $^{1}/_{2}$ раза. Число нанимавших лошадей в 1922 г. превышает число нанимавших лошадей в 17 году почти в 5 раз, а число нанимавших в 1920-м году—почти в 2 раза.

Во всех селах процесс происходит совершенно одинаково (см. табл. 19), при чем, несмотря на то, что цифра безлошадных дает некоторое уменьшение к 1920-му году (резко подымаясь в 1922 г.), число хозяйств, нанимающих лошадей, растет неуклонно из года в год.

В 1917 году нанимало лошадей 6,7% всех хозяйств; в 1920 году—13,8%, в 1922 году принуждено прибегать к найму лошади уже 24,7% всех хозяйств.

Процент хозяйств, нанимающих лошадей, наиболее велик в малопосевных хозяйствах, составляя в хозяйствах, имеющих до 1-ой дес. посева—58% всех хозяйств, в хозяйствах же с посевом от 4-х до 6-ти—только 11%. (См. таблицу 20).

Аренда инвентаря. Совершенно та же картина и с мертвым инвентарем. Число хозяйств, арендующих сохи и бороны, вследствие невозможности собственным инвентарем справиться с землей, растет за время революции непрерывно: в 1917 г. он составляет 34, в 1920-м – 94, и в 1922 г.—118. В разных пропорциях в разных селах, но в том же направлении (непрерывного увеличения) идет по каждому селу изменение числа хозяйств, пользующихся чужим инвентарем. (См. таблицу 21).

При этом **в группе крестьян, имеющих посев до 2-х десятин, число безинвентарных за время революции увеличилось с 74-х (в 1917 г.) до 116 (в 1923 году), а число арендующих инвентарь возросло с 19 хозяйств до 66.**

Увеличение числа хозяйств, пользующихся арендованным инвентарем, имеется и в высших посевных группах.

Это об'ясняется как тем, что имеющийся инвентарь находится частью в неисправном состоянии, так и тем, что часть многопосевных, значи-

тельный размер посева которых об'ясняется многосемейностью, еще не смогли обзавестись инвентарем, соответствующим размеру посева.

Из 775 хозяйств 498 имеют сохи и только 232 имеют плуги по 0,3 плуга в среднем на хозяйство.

Избыточные рабочие.

В хозяйства до 2-х дес. посева входят преимущественно мало- и средне-семейные хозяйства без рабочего скота или с одной головой, на каждую десятину посева в хозяйствах, сеющих **до 1-ой дес.**, приходится **от 1,5 до 3 работников**, в хозяйствах, сеющих **от 1 до 2 дес.**, приходится **от 0,8% до 2-х работников**. В то же время, **в средне и крупно-посевных хозяйствах** на одну десятину приходится только **от 0,4 до 1-го рабочего** на десятину посева.

Если принять во внимание, что в мало-посевных группах процент промышленников ко всему населению не превышает 10%, то ясно станет, что в этих хозяйствах уже образуется избыточное население, не находящее применения своим силам в деревне. Этот вопрос тем серьезнее, что не приходится надеяться на быстрое поглощение городом образующейся в деревне резервной армии, а белогвардейское движение и бандитизм могут попытаться превратить эти элементы в пушечное мясо для своих целей.

Зависимость маломощных от зажиточных по Украине.

То, что безинвентарность и безлошадность определяют экономические о т н о ш е н и я различных групп крестьян, подтверждается данными по району, экономически имеющим чрезвычайно мало общего с Курской губ., которая исстари была типичной середняцкой губернией и где чрезвычайно далеко зашло поровнение за время революции.

Передо мной данные украинского обследования. Центральный Комитет Коммунистической Партии Украины собрал 24 анкеты по Екатеринославской губ., 28 по Запорожью, 4 по Николаевской, 4 по Харьковской, 8 по Волынской, 4 по Черниговской, 11 по Киевской, 9 по Кременчугской и 45 по Подольской.

К сожаленю, в виду того, что обследование носило характер лишь поселенного и поволостного опроса, кроме того, анкеты сплошь и рядом заполнялись не специально уполномоченными лицами, а предволисполкомами, секретарями ячеек и комнезаможами,—с их материалами можно считаться как с достоверными только в том случае, если сведения подтверждают друг друга или могут быть проверены иным путем. По интересующему нас вопросу сведения по всем губерниям указывают на одинакового порядка факты. По этим губерниям безинвентарные хозяйства составляют 39% общего числа хозяев. По Екатеринославской губ.:—35%, по Запорожью—48%, по Николаевской — 5%, по Черниговской — 36%, по Киевской—16%, по Волынской — 31%, по Подольской—39%, по Кременчугской—19%, по Харьковской—19% и по Полтавской—18%.

Средняя цифра безлошадных крестьян по Екатеринославской губ.—52%, по Киевской—26%, по Кременчугской—36%.

Эти сведения подтверждаются ответом на вопрос о формах закабаливания маломощных крестьян.

Таблица, которую приводит обследование ЦК КПУ, подтверждает наш вывод, сделанный на основании данных Никольской волости, Курской губ., целиком:

	$^0/_0$ волостей, в которых отмечено закабалив. путем:			
	Заема продуктов.	Помощи при обработке земли.	Ссуды семенами.	Скупки имущества.
По 3 степным губерниям Украйны (голодным — Екатеринославской, Запорожской и Николаевской) . . .	64	48	7	42
По 5 губерниям (Киевской, Подольской, Волынской, Черниговской и Кременчугской).	36	57	62	15

В 5 губерниях, в которых не было голода, на первом месте среди методов закабаления стоит „хозяйственная“ помощь со стороны кулака: в первую очередь помощь при обработке земли и ссуда семенами. О помощи при обработке земли живым и мертвым инвентарем говорит 57$^0/_0$ всех анкет и о помощи семенами—62$^0/_0$ всех анкет.

В трех голодных губерниях, естественно, на первое место выдвигается закабаливание через заем продуктов. Заем продуктов мы встречаем в 64$^0/_0$ всех анкет. На втором все же месте стоит помощь при обработке земли тем же мертвым и живым инвентарем. Она встречается в 48$^0/_0$ всех анкет.

Маломощные при нэп'е.

Те данные статистического характера, которые характеризуют маломощные хозяйства и их отношение к более крепкому соседу, иллю-

стрируются теми показаниями, которые давали различные группы крестьян по вопросу о роли новой экономической политики.

Крестьяне 2-й Зуевки указывают, что до новой экономической политики помощь при посеве и обработке земли получалась в значительной доле принудительным порядком через Советы. В настоящее время восстановились старые отношения,—приходится получать инвентарь, лошадь, хлеб до новины, семена для посева за отработок и в кредит непосредственно от более зажиточного крестьянина.

Крестьяне села 1-й Зуевки указывают на то, что при старой экономической политике разверстка больше брала с зажиточных. Маломощные имели некоторые льготы. В настоящее же время и мертвый инвентарь, и хлеб, и семена для посева приходится получать от зажиточного крестьянина за отработок.

В несколько иной форме, но по существу то же, показывают крестьяне села Ивановки. В период разверстки маломощным хозяйствам оказывалась некоторая помощь со стороны государства. При проведении разверстки маломощные хозяйства от разверстки освобождались. Теперь же необходимую помощь от зажиточных хозяев приходится получать не через Комбеды или через Советы, а непосредственно за отработок, отдачу причитающейся нормы сенокоса, вынужденную сдачу земли исполу.

На отработок, вынужденную сдачу земли исполу, как форму оплаты за пользование инвентарем, скотом, семенами, указывают и крестьяне села Никольского. Они же указывают, кроме того, на прекращение бесплатного отпуска леса, что теперь уже не позволяет становиться на ноги

малоимущим крестьянам; в особенности подчеркивают они дороговизну лошадей и минимально необходимого инвентаря, без которых хозяйство не обойдется.

Крестьяне с. Александровки дают новый штрих: отсутствие своевременного извещения о видах, размерах и времени взимания налогов ставит крестьян, в особенности маломощных, в большую зависимость от частных торговцев или более зажиточных крестьян, к которым приходится прибегать для получения необходимых средств и которые пользуются этим обстоятельством для искусственного понижения цен на сельскохозяйственные продукты.

Кредит. Таким образом, наем лошади и аренда инвентаря возрасли по сравнению с мирным временем в огромный мере, при чем основным кредитором маломощного крестьянина является его более зажиточный сосед. Патриархальные формы кредита лошадью и инвентарем не могут, конечно, изменить его экономической сути,—более или менее прямой зависимости беднейшего крестьянина от крестьянина, имеющего инвентарь и рабочий скот. Отсюда—прямой блок различных элементов крестьянства на почве кредита лошадью и плугом и соответственно: гигантская важность вопроса о создании таких аппаратов советского (государственного и кооперативного) кредита маломощным элементам крестьянства, которые могли бы вклиниться в экономические отношения крестьянства.

Можно сколько-угодно бумаги извести на тему о связи с крестьянством, но если мы не сможем создать своего аппарата сельскохозяйственного кредита, то, конечно, и экономически и политически неизбежно маломощный крестьянин попа-

дает под воздействие более зажиточного. Нужно поучиться у зажиточного крестьянина гибкости его кредита, разнообразию его форм и сроков уплаты. Нужно суметь к этому делу привлечь и средства самих крестьян, и частный капитал, поскольку такая форма привлечения не государственных средств несет гораздо меньше политической опасности для Советской власти, чем прямой, ростовщический часто, кредит зажиточных крестьян маломощным, с соответствующей, отсюда вытекающей, непосредственной зависимостью маломощного крестьянина от крестьянина более зажиточного.

Вопрос о сельскохозяйственном кредите, о формах его, об изыскании средств для него, есть вопрос не только экономики, не только банковой политики, это вопрос политики партии и борьбы за крестьянство.

Трудность, которую нужно видеть, понимать для того, чтобы ее преодолеть, состоит в том, что, **вовлекая все крестьянство в аппараты кредита, необходимо строить дело таким образом, чтобы кредит был действительно доступен тому мелкому и мельчайшему крестьянству, которое составляет основную массу русских крестьян.**

Продналог. Продналог, который, конечно, задерживает и не может не задерживать под'ема всех хозяйственных групп, особенно сильно бьет по крестьянам маломощным.

Группировка хозяйств по продналогу подтверждает это целиком. В Ивановке крестьяне определяли влияние продналога старой, на опыте столетий проверенной, крестьянской пословицей: „Пока жирный иссохнет, голодный сдохнет".

Крестьяне нам насчитали до 16 различных видов налога, из них значительная часть волост-

ных и сельских, возникающих по мере необходимости.

Раздражает крестьян, даже, я бы сказал, озлобляет, не столько размер налога, сколько огромное количество налогов, разнообразие формы их и разновременные сроки уплаты. Крестьяне всю эту зиму живут ожиданием очередного налога.

Если мы от ряда крестьян слышали, что „налог средственный, если будет урожай, платить можно“, – то одновременно почти от каждого крестьянина, с которым мы говорили, приходилось слышать также много горьких слов на счет наших налоговых порядков, в частности пени.

—„Не столько налоги тяжелы“,—говорили крестьяне в селении Никольском в караулке, где происходил опрос—„**сколько пенюшки**“. „Пришлют 20 февраля приказ о том, что если к 15 февраля всех налогов не внесешь, так пени. И хочешь, не хочешь, сразу начинаешь платить не только налог, но и пени“.

Я захватил с собой экземпляр одного такого высокомудрого распоряжения Тимского Уездного Финотдела, который, конечно, сможет сослаться с полным основанием на губернский Финотдел, тот в свою очередь не с меньшим—на Наркомфин.

Когда я просил крестьян (это было в Ивановке) передать мне экземпляр этого приказа, они согласились на это сразу, т. к. и председатель и секретарь совета наизусть уже успели его заучить, и в печатном тексте поэтому не нуждались.

Один из крестьян, типичный середняк, говорил нам с большой, очевидно годами скопленной, злобой:

— „Мужик, что овечка, кому надо шерсть, тот ее и стрижет. Стриг царь, помещик, деникинцы и товарищи. А теперь бы ее надо пожалеть, а то до-

последку шкуру сдерешь, так после шерсти не настрижешь".

Огромную роль в недовольстве крестьянина играет грубость, пренебрежение к крестьянину в продовольственном аппарате. То, что крестьянин принимал, как естественное, от волостного писаря или урядника, того он не согласен терпеть от какого-бы то ни было чиновника, какого-бы то ни было советского аппарата, тем более, взимающего с него налог. В этом сказывается величайший рост гражданственности крестьянина за время революции. О грубости, проявлении барского хамства чиновника ссыпного пункта знают все крестьяне. Они же знают, что в советском аппарате не место подобному чиновнику,—в этом крупнейшая гарантия возможности исправлять советский аппарат. В ближайшую продовольственную кампанию необходимо, помимо создания единого налога, важнейшей партийной задачей сделать отбор низового налогового аппарата, решительную вычистку из этого аппарата элементов, приносящих в него навыки помещичьего прошлого.

Совхоз. Картина хозяйственной жизни Никольской волости будет не полна, если мы не приведем некоторых данных, характеризующих местный совхоз.

Совхоз садово - огородный — производит сахарный бурак, кормовой бурак, капусту, баклажаны, бобы, огурцы, яблоки, груши, сливы и вишни.

Имеет одиннадцать постоянных рабочих. Сроковых с весны до осени 5. Сторожей с весны до осени—5. Поденных, в большинстве членов семей постоянных и сроковых рабочих, с 1-го мая по 1-е октября 10 человек. Всего в совхозе 81 десятина. У совхоза нет забора, тащат свободно. Хотя и брали сторожей, но $^3/_4$ урожая крестьяне все же

прошлою осенью разобрали. Нет пока надежды получать доход, а помещику Солнцеву только часть этого совхоза,—28 десятин, давала 3.500 руб. в год, которые платил арендатор. Хотел было заведывающий совхозом из дуплистых, по его мнению, деревьев начать строить забор, да приехала комиссия из Наркомзема и запретила, согласно соответствующего наркомземского циркуляра. В аренду теперь никто не берет,—боятся, что крестьяне, которые сдерживаются, пока совхоз государственный, перестанут сдерживаться, если он перейдет к частным лицам, и разберут не только совхоз, но и косточки арендатора.

Служащих в 3 раза больше, чем было у помещика. Помощи крестьянскому хозяйству никакой.

А между тем и рабочие совхоза и крестьяне не могут не признать, что при лучшем подборе административного персонала, при большой свободе хозяйственного оборота для совхоза, при лучшей работе Всеработземлеса, — дело можно двинуть...

III.

Торговля.

Мы уже писали, что число хозяйств, продающих хлеб, дало в 1922-м году огромный скачек вверх и дошло до 155, т.-е., почти в 3 раза превзошло количество крестьян, продававших хлеб в 1917-м году.

Естественен вопрос, какие аппараты, государственный или частные, и в какой мере охватывают эту начинающую расти торговлю хлебом, какие щупальцы государственная торговля протягивает к крестьянскому хлебу, в какой мере и из каких элементов рекрутируется аппарат местной торговли.

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, мы обследовали торговый аппарат изучаемого района в до-революционное время, его крушение с начала революции и картину его возрождения с начала новой экономической политики.

Ярмарки. В этом районе местные базары носили до революции почти исключительно мелочной, „прицерковный“ характер. Имелись 2 ярмарки, в Коровине и Максимове. На эти ярмарки крестьяне вывозили преимущественно продукты кустарного производства (столярно-бондарные изделия, слесарно-кузнечные, гончарные, кожевенные, сапожные), лошадей, ово-

щи, фрукты, холсты, дубленые овчины, кожу, овчинное сырье, щетину, конский волос. Покупали крестьяне кустарные изделия, мануфактуру, галантерею, рыбу, плуги, бороны, железно-скобяные товары фабричного производства. Торговлю вели преимущественно через скупщиков и прасолов.

Разверстка и общие условия войны убили ярмарки. С нэп'ом в конце 1921 года возобновляется Коровинская и только в 1922 году—Максимовская ярмарки. Обороты последних ярмарок уже настоящего года составляли около $^1/_4$ старых, но дальше подниматься не могут, главным образом, в силу затруднительности оборотов на хлеб.

Хлеб служит деньгами.

Деньги еще в этом году почти не функционируют, как средство обмена. Хлеб служит деньгами. Все продукты оцениваются в хлебе. Крестьянин приезжает с несколькими подводами своих „денег“-хлеба и за эти деньги покупает нужные ему товары.

Конечно, везти десятки пудов таких денег, чтобы купить тряпок своей бабе, довольно затруднительно, и это, по общему мнению крестьян, чрезвычайно мешает развитию ярмарочной торговли.

Для меня, признаться, было неожиданным в значительной степени такое слабое развитие денежного оборота в районе, находящемся недалеко от железной дороги, имеющем своим центром крупный торговый пункт, у которого были когда-то связи на сотни верст вокруг с далекими местами Украины, с одной стороны, с крупнейшими центрами России, с другой.

Огромный процент торговли - и наших кооперативных и государственных органов и частных торговцев — также падает на хлеб. По расчету

руководителей кооперативных органов и конторы „Хлебопродукт“ больше $^{3}/_{4}$ их оборотов идет на хлеб и по настоящее время...

Когда нашей „экспедиции“ надо было что бы то ни было купить, то продавщики оказывались в чрезвычайно затруднительном положении, производя сложнейшие расчеты перевода цены своего товара на хлеб, хлеб на соль и т. д., поверяя это им одним известным методом пересчета через другие товары, пока, наконец, не получалась цифра стоимости яиц, хлеба или мяса, не только не уступающая московской, но и значительно ее превосходящая...

Торговля до революции.

До революции в поселке при ст. „Солнцево“ было 12 оптово-розничных лавок, с оборотом свыше 25.000 рублей (старых) в год каждая. Эти лавки вели скупку хлеба, сырья и скота, примерно, на 1.600.000 в год, продажу земледельческих машин и орудий, железо-скобяных товаров, минерально-горючих и смазочных продуктов, мануфактуры и лесных материалов на сумму, примерно, 2.000.000 руб. до-военных.

Дьяков.

Среди старых купцов были колоритные фигуры, имевшие очень широкую известность. Из них обращает на себя внимание Дьяков Дмитрий Алексеевич. Был приказчиком когда-то у купца на ст. „Старый Оскол“, открыл собственное дело, и в 2 десятка лет превратился в крупнейшего местного купца с миллионным оборотом. В 1918-м году его торговлю конфисковали, товары передали Коровинскому Кооперативному Обществу, а он сам, конечно, сделался председателем оного. В 1919-м году служил в Курском Упродкоме и, конечно, заведывал Рыжковским ссыпным пунктом. В

1920-м году стал агентом „Продпути“ в Курске и завед. солнцевской Райсолью. Райсоль—пошла ему на пользу. После ликвидации Райсоли в октябре 22-го года стал агентом курского отделения Госбанка по закупке хлеба до декабря 1922-го года. Госбанк ему еще больше пошел на пользу. В декабре 1922-го года презрел и Райсоль и Госбанк, бросил службу, а это сделать ему было уже не трудно, т. к. наготове у него была еще в июне месяце открытая в компании с его зятем Васильевским лавка на ст. „Солнцево“.

До войны у него было 3 дома в „Солнцеве“, четыре в Курске, один в Никольском, 7 амбаров, лес, паровая мельница, крупорушка и лавка, при чем он строил каждый год. Ежегодно вагонов 700 муки и крупы заготовлял.

В 1918-м году реквизировали все дома, амбары, мельницу, крупорушку; лавку забрали (хотя и в дьяковский кооператив, но все же забрали).

Торговлю в старое время вел без конторского аппарата, только одна книга велась—должников, да и то самим им велась. Рассказывает:

—„Придешь в контору. Мне должны столько-то, а я должен столько-то, значит прибыль у меня такая-то, я и загоню ее в новую стройку“.

Дом, в котором мы его опрашивали, где находится в настоящее время волисполком, принадлежал раньше ему. Построил он его „для кредиту“,—с таким домом каменным „больше уважения ото всех имеешь“.

Умел устраиваться недурно. Так от „Бромлея“ машину получил только для рекламы в кредит на 5 лет. Со всей России, рассказывает, к нему приезжали проверять, как эта машина работала.

Кредит в банке свободный имел. Думает, что и революцию пережил бы, ежели бы не крушение кредитов. Долго еще бился до конфискации своего имущества. Когда стало невмочь оптом торговать, стал вести розницу, но служащих не распускал, а потом все служащие перешли в тот самый коровенский кооператив, председателем которого был избран Дьяков и который принял все его имущество.

С гордостью говорит, что и раньше и теперь ему „всякий доверит", Так и „Главсоль доверяла, и Татреспублика, и Госбанк доверяли. От уполномоченного Татреспублики Кузнецова мануфактуру получал. Представительство соляное получил от Соломона, уполномоченного Сольсиндиката в Курске. И от Главрыбы кредит получать удавалось"...

Теперь на кредит не жалуется,—не обижают. Даже чугунное литье и железо от Татреспублики с двухмесячным кредитом получал. С осени на вагонов 6 хлеба—самое малое наторговал. Рисует нам неуклонный рост своих оборотов с месяца на месяца на 15—20% ежемесячно,—90% оборота на обмен, 10%—на деньги. Не без маленького ехидства сообщает о том, что ряд товаров удается продавать дешевле Госорганов, и хотя присутствующие представители Госорганов стараются всю причину этого увидеть в обходе Дьяковым законов об акцизе,—но, конечно, не только в этом дело.

Что не только в этом дело,—пришлось убедиться, когда вопрос зашел об аппарате торговых Госорганов.

До войны было рабочих и приказчиков на всем 2-х миллионном деле 17 человек. В настоящее время дело начинает поднимать без слу-

жащих. Уверен, что дело поднимет, хотя и очень осторожен, рисковать боится. Предпочитает маленькое.

Путает название тех самых советских учреждений, которые столь большое доверие ему оказывают. Никак не может произнести слова „Реввоенсовет", которому он продал свой хлеб. Слово, которое с его уст сошло, настолько было не похоже на Реввоенсовет, что мы никогда не догадались бы, о чем дело идет, если бы ему не помогли его сотоварищи.

Рассказывает, с большой охотой, о том, что жить ему стало много лучше, чем раньше. „То, бывало, до революции ночей не спишь, все ждешь пожара, или порчи машины, или порчи продуктов, или еще какого-нибудь несчастья".

„Сколько лет на Солнцеве жил, а когда большим купцом был, ни разу в речке не искупался, а теперь прошлым летом три раза на день в реку лез".

Это внешнее смирение прикрывает большое умение накоплять и в новых условиях даже при незнании слова „Реввоенсовет". Этому свидетелями мы были, когда посетили его лавку. Небольшое помещение до самого верха забито товарами. Вершка ни одного неиспользованного в помещении нет. И действительно, кроме его и его зятя, никакого торгового аппарата найти у него в лавке нельзя было.

Жидких. А вот перед нами другой, Жидких, Иван Иванович. Торгует в компании с Гамовым и Новомлинским. До войны имел в Тиму два дома, магазин, водяную мельницу. С революцией потерял муниципализированный дом и национализированную землю. Пошел служить в Собес. С 1920 года променял Собес на потребительное общество. С 1921 года службу бросил, а с фев-

раля 1923 года начал торговать. Торговать начинает черно-бакалейными товарами—сельди, керосин, спички, рыба. По договору с частным товариществом „Энергия“ начинает торговлю лесом.

Кто его родил?...

Получил в „Хлебопродукте“ рыбы в кредит без процентов. Кроме того, взял рыбы на комиссию. От главрыбовского Пореца, подобно Дьякову, получил сельдей в кредит. Деньги платил по выручке. Начинает так же, как и Дьяков, без всяких служащих.

Танков, Евдоким Васильевич. Имел казенную винную лавку до 1914 года. Был председателем поселкового совета с Октябрьской революции до 1921 г. (с небольшими промежутками во время пребывания белых, когда оставался на той же должности, будучи переименован в старосту). С 1921 г. заведывал отделом потребительного общества по выдаче пайков служащим, в 1922 г. был членом правления кооператива по выборам. С 15 июня 1921 г. начинает свою торговлю. „Приходилось получать сельди в кредит в кооперативе, тоже и в „Хлебопродукте“. Утверждает, что товары продает по цене ниже кооперативной и хлебопродуктовых. Другого кредита, кроме краткосрочного кредита государственных органов, не имеет.

Алексеев. Отец—торговцем в Солнцеве был. До войны учился. С 1917 по 1920 г. на ссыпном пункте служил. Был и в Красной армии, в продполку. Тот же благодетельный Сольсиндикат дал в кредит 4 тыс. пудов соли. Кредит был открыт без всякого обеспечения в какой бы то ни было форме, на основании частного соглашения, без установления даже каких бы то ни было формальных сроков. Керосин получил в Солнцев-

ском государственном нефтескладе даже без договора, с уплатой по выручке, не будучи связан сроком. В том же Сольсиндикате получил и денежный кредит в 2.500 рублей. До революции в деле отцовском было 3 постоянных служащих. В сезонный период до 10 доходило. Оборот доходил до 30.000 руб.

Пояснение к процессу вырастания частных торговцев дал нам на следующий день после этого опроса один из крестьян, рассказывавший про дела торговые.

Некий Холин, Яков Георгиевич, подняться смог потому, что у Пономаренко работал по соли, а Пономаренко этот тоже подняться смог потому, что у Дьякова работал тоже по соли, и Дьяков подниматься начал потому, что представительство Сольсиндиката взял.

Только два торговца являются новыми для Солнцева: Файнберг, перекочевавший из какой-то западной губернии, а затем Левин в компании с Буяновым. И Файнберг у Госбанка работал, хлеб Госбанку заготовлял. Деньги на это дело „отпускал от Госбанка Руденский, сколько спрашивали". Файнберг лавку открыл в первых числах ноября. Товары получал в кредит от местных контор Хлебопродукта и нефтесклада. Платил хлебом, частью полученным от продажи, частью от процентиков Госбанковских.

Новые купцы.

В селе Никольском два новых купца, сформировавшихся уже после революции.

Один до войны служил на железной дороге дорожным мастером, собственности не имел, за исключением коровы и свиньи. Жил на казенной квартире. Во время войны работал строительным десятником. С 1915 года поступил в Киевское военное училище. Был в плену. Вернувшись из

плена, пошел по хозяйственной части, работал в Курском Губпродкоме, в Москкоммуне агентом по своему Тимскому уезду, в Кременчуге—техником Губтопа. В 1922 году вернулся в Солнцево на родину и **поступил на службу, конечно, в Солнцевскую Райконтору Сольторга, где и служил до 1-го декабря 1922 года.** После ликвидации Сольторга открыл свое дело. В январе 1923 года его месячный оборот составлял всего лишь 400 руб., а в марте уже 2.000 руб. По его словам, интересуется современной литературой, в особенности по политическим вопросам. Газету читает, хотя и не выписывает сам, а пользуется с почты.

Другой—Солдатов. Служил приказчиком, счетоводом. Участвовал сначала в империалистической, а после в красной войне. По собственным словам „по увольнении из рядов Красной армии пытался найти место, но не удалось. **Поэтому решил заняться личной торговлей, получив кредит от кооперации и Хлебопродукта**". При открытии торговли своего капитала совершенно не было. Товары получал преимущественно в кредит, в среднем на 1—2 мес. без процентов. Товары получает исключительно от государственных и кооперативных учреждений. Также интересуется современной политической литературой.

Мы вызвали государственных и частных торговцев совместно для того, чтобы они друг друга поверяли, и для того, чтобы картина их взаимоотношений стала возможно более ясной.

Хлебопродукт.

Наиболее крупным местным торговым учреждением является, несомненно, Хлебопродукт. Его заведывающий, бывший офицер, служил в Губсольконторе. Заместитель его был до революции в ссылке, называет себя бывш. максималистом.

Существует Хлебопродукт с 1-го августа. Раньше был отдел заготовительной конторы, почти не торговавший. Заготовлял с начала кампании до 125.000 пуд. хлеба. Только 15%—20% оборота на наличные деньги, остальное—товарообмен. Больше всего идет рыба, сельди, соль, керосин. С осени шла мануфактура, но в виду поднятия цен—ослабла.

С начала торговых операций прошло через Хлебопродукт 8 вагонов лесных материалов, 7 вагонов сельдей, 20.000 арш. мануфактуры, вагон стекла, до 2.500 пуд. керосина, 500 пудов гвоздей и 200 пуд. железа.

У Хлебопродукта 24 контр-агента на 5 волостей. По деревням мы имели возможность убедиться в том, что щупальцы Хлебопродукта несомненно прошли дальше остальных и кооперативных органов, и частных торговцев.

Если рассматривать положение „в состоянии покоя“, то чрезвычайно ярко выделится преимущественная роль Хлебопродукта в местном торговом обороте:—он оставляет, примерно, 45% всего торгового оборота, в то время как все частные торговцы вместе имеют лишь 12%, считая и деньги и хлеб.

Но, по общему мнению и частных и государственных торговцев, частная торговля, хотя она начинает дело „по-крестьянски“, силами своей семьи, растет непрерывно.

Спросил я у Дьякова: что, если бы частные купцы имели средства Хлебопродукта? Ответ получил не только от Дьякова, но и от частных торговцев.

— „В два счета всех частных торговцев задушили бы“...

Я не стал спрашивать, конечно, о том, почему

при нынешнем положении в Хлебопродукте, при его фактически монопольном положении, как источника товаров, частный капитал весьма не дурно растет.

У Дьякова до революции было 17 служащих и на торговлю, и на мельницу, и на крупорушку, а оборот у него был 2-хмиллионный. У Хлебопродукта и 5-й части Дьяковского торгового оборота не будет, а служащих больше. В одной конторе до десятка служащих.

Спросил я у руководителя Хлебопродукта, сколько он оставил бы служащих, если бы был собственником той торговли, которую он ведет от государства. Полежаев обещал в таком случае сократить по меньшей мере в 5 раз нынешний состав служащих.

А Дьяков смеется:

— „И то, говорит, много будет“,—хотя не может не признать, что при нынешнем порядке трудно с маленьким количеством служащих: „Много слишком писать приходится, а для писания люди нужны и не мало людей“.

Нефтескладом заведует бывший местный купец с полумиллионным оборотом. Все вместе признают, что десятую часть довоенного торгового оборота нагнали.

Пояснительная таблица. Положение торговли в Солнцеве в таблице можно было бы представить, примерно, так:

ГОСБАНК

РОДИЛ:

Дьяков.	Файнберг (работал у Госбанка до ноября).	Левин и Буянов (работали у Госбанка тоже до ноября).

ГЛАВСОЛЬ

РОДИЛА:

Левин и Буянов.	Файнберг.	Алексеев.

Таким образом из 5 существующих в „Солнцеве“ частных торговых предприятий 4 рождены непосредственно нашими госорганами, при чем двое, по правилу „ласковое теля двух маток сосет“, имеют сразу двух отцов: и Сольсиндикат и Госбанк.

В районе протекает значительная самогонная торговая деятельность, тоже, конечно, преимущественно находящаяся в частных руках и служащая не дурным орудием первоначального накопления.

Районный Союз. Очень хорошее впечатление произвел на нас Районный Союз Кооперативов. По обороту он занимает второе место за „Хлебопродуктом“, но трудности кооперативной работы, отсутствие оборотного капитала чрезвычайно затрудняют его работу. Со сбором паевых и членских взносов дело из рук вон плохо. Кампания проходит по сбору взносов отвратительно, да и там, где взносы поступают, они дают исключительно хлеб, расцениваемый в 10—15 коп. по довоенным ценам, а главное, конечно, в том, что крестьянство в кооперацию не идет, потому что у него нет надежды что-нибудь осязательное на этом выиграть.

Должен здесь признать также, что некоторые товары в Союзе Кооперативов продаются дешевле и частных лавок и Хлебопродукта, но только роль этого удешевления в общей цене настолько мала, что не является достаточным притягивающим мо-

тивом для крестьянина, чтобы предпочитать кооператив прочим торговым предприятиям, дающим ряд мелких удобств в отношении сроков уплаты, времени продажи, выбора товаров, привычных способов выторговывать грош..

А между тем, именно развитие частной торговли толкает мысль крестьянина к кооперации. Только нужна крестьянину действительная кооперация, которая приносила бы пользу, хотя бы самую малую, своему действительному члену. Поэтому, вредом для кооперации является кооперативная „кампания", которую мы имели возможность наблюдать, когда трудное дело кооперирования, об'единения людей в общем деле заменялось митингом заезжего оратора, огульной записью, при отсутствии в то же время какой бы то ни было реальной помощи делу организации кооперации.

Много-лавка. Из всех сел, нами обследованных, кооперативная лавка встретилась только в одном: — селе Зуевке.

Председатель правления — сын купца, учился в Томском Технологическом, „пострадал", был исключен. Приехал к отцу, жил на отцовских хлебах, подторговывал, „работал подпольно, как революционер", по его словам.

По смерти отца принял в свое ведение лавку. Перед военным призывом ликвидировал торговлю и был принят в военное училище. Вернувшись с войны, в своем доме организовал кооператив, сам был выбран председателем правления. Имеет вид штабс-капитана в отставке: выхоленные усы, принимает и отвечает в высшей степени любезно, предупредительно.

Жалованье неопределенное. По собственным словам, получает только десять пудов в месяц. А в комнате старинная кровать, книжный шкаф,

полный набор мелочей, которых не видно в крестьянской избе и которых не сохранила бы семья, не имеющая во время революции никакого дохода. Видно, что хозяин живет не продажей вещей и, во всяком случае, не на 10 пудов в месяц.

У него, в качестве члена правления, бывший приказчик, который фактически играет роль приказчика при нем. Еще есть приказчик, который, действительно, 10 пудов в месяц получает.

Членов в этом кооперативе нет, взносов никто не вносит.

Хозяин долго рассказывал о подлинной и фальшивой кооперации, о необходимости кооперации заняться просветительной работой, о том, что именно просветительная работа представляет истинное предназначение кооперации, — а сам у крестьян в голодное время брал полтора — два пуда за пуд одолженного весною хлеба.

Энергично ругает организовавшееся сельскохозяйственное товарищество. Под величайшим секретом сообщает, что председатель его—под судом, освобожден на поруки.

Торгует, очевидно, недурно. Начал при нэп'е с пустяков, а теперь товаров, принадлежащих лавке, на десять миллиардов рублей.

Прасолы. Заинтересовались мы развитием прасольства. Крестьяне села Зуевки на сельском собрании, дававшие нам ответ, касающийся своего села, указывали, что прасольство снова начинает развиваться. Оно сошло на-нет во время разверстки. В первый год новой экономической политики торговля скотом также еще не развивалась. Только за последний год прасолы начинают поднимать головы, но, конечно, очень далеко им до старого.

Один из таких прасолов, Михаил Иванович

Меньшиков, десятки голов гонял в мирное время, а теперь все еще слаб. В Зуевке нам назвали 4 чел., начинающих свое дело поднимать очень быстро. Это—Меньшиков, Чепурных, который ослабел за время революции совсем, а теперь, хотя и пьяница, но поднимается; Бобнев, который стал прасолом во время войны и „чрезвычайно богат“, богатство которого крестьяне характеризируют тем, что „он каждый день говядину ест“; Лозин, отец которого был еще большим прасолом, совсем было упал во время разверстки, а теперь быстрее других восстанавливает свои дела.

Собрали мы накануне своего от‘езда этих начинающих „купцов“, чтобы побеседовать о размерах их торговли, формах ее, препятствиях к ее развитию и т. п.

Доверие, которое оказывало нам все население во время всей нашей работы, позволяло предполагать, что и тут кое-что мы сможем выяснить.

Но мы ошиблись в своих предположениях. Ни одного слова об их торговле услышать нам не пришлось:

—„Знать не знаем и ведать не ведаем, бросили это дело и совсем не желаем его касаться“.

А когда присутствовавший здесь крестьянин напомнил одному из прасолов, что сын его вчера погнал пять коров в Курск, тот сделал удивленные глаза и мог только сказать:

—„Может кто и гнал, только не мой сын. А может и мой сын, только я про него ничего не знаю“.

Как мы не уверяли, что ни один финансовый инспектор в мире не узнает об их ответах, очевидно, наученные достаточно серьезным опытом,

уважаемые солнцевские и зуевские купцы упорно молчали. Время от времени они друг с другом переглядывались и, очевидно, переглядываясь, получали друг от друга новые основания для того, чтобы предпочитать молчание каким бы то ни было разговорам.

В середине нашей беседы в дверь к нам постучали. Тов. Прядченко вышел за дверь и там от нескольких собравшихся баб получил вопрос: вещи арестованным приносить немедленно, или после прикажет начальство?

А под дверью оказался финансовый инспектор, тот самый, от передачи сведений которому мы гарантировали торговцев и который хоть ухом одним стремился услышать хоть обрывки тех сведений, которые ему, очевидно, не с большим успехом, удавалось до сих пор получить в своих целях от тех же самых именитых зуевских купцов.

Увидав, что здесь ничего мы не получим, решили опрос прекратить. Когда я сказал, что они свободны и могут уходить, они не сразу поднялись. Удивление их было огромное. Очевидно, они ожидали чего угодно, ругани, отправки их в милицию, но только не свободного ухода домой.

Должен констатировать, что это удивление продолжалось не столь долго, чтобы задерживать купцов лишнюю минуту в нашем помещении. Я не успел еще сообразить того, нельзя ли еще попытаться с одиночками из них поговорить, как никого из них не было в помещении. Очевидно, предпочитали исчезнуть поскорей, дабы мы не передумали.

Поэтому о размерах прасольства приходится судить исключительно на основе крестьянских ответов. Они рисуют начало роста торговли ско-

том, но начало очень медленное. Торгует еще пока очень незначительная часть бывших прасолов и в незначительном размере по сравнению с довоенными временами, когда через эти пункты проходили сотни и тысячи голов скота.

IV.

Дороговизна городских товаров.

Хлеб и городские товары. Дальнейшее развитие торговли упирается в вопросах о ценах. Не было крестьянина, от которого мы не слышали бы о ценах. О ценах говорят и думают не меньше, чем о налоге...

Название товара:	Настоящая средняя цена в хлебе.	Довоенная цена в деньгах.	Довоенная цена в хлебе.
Ситец 1 арш.	1 п. 10 ф.	— р. 14 к.	— п. 8 ф.
Соль 1 пуд	3 „ — „	— „ 35 „	— „ 20 „
Чугун 1 пуд.....	15 „ — „	1 „ 60 „	2 „ 11 „
Керосин 1 пуд...	6 „ 20 „	1 „ 40 „	2 „ — „
Сельди 1 пуд...	10 „ — „	2 „ 25 „	3 „ 10 „
Гвозди 1 п. мелк.	7 „ — „	2 „ 25 „	3 „ 9 „
Железо 1 пуд сортов. и шин.	4 „ 20 „	2 „ — „	2 „ 31 „

Эти цены написаны мной на основании опроса и советских, и частных купцов и проверены по данным заведующего Райсоюзом Кооперативов.

Сопоставление цен на продукты городской промышленности с особенной очевидностью обнаруживает корни того крестьянского недовольства, которое сейчас еще не вылилось в определенные формы, но которое можно проследить у каждого крестьянина любой степени зажиточности.

Дороговизна в крестьянском сознании.

Интересны в этом отношении ответы на наш вопрос об отношении к кооперативам. Большинство этих ответов говорит о полном безразличии к кооперативам. Да и что может дать скидка в фунтах, которую обещает дать кооператив в тех случаях, когда мужик считает себя переплачивающим пуды ржи на любом товаре.

Еще один штрих, который может характеризовать, как дороговизна товаров отражается в крестьянском сознании. Чтобы купить один пуд чугунного литья, крестьянину нужно привезти воз хлеба (15 пуд. ржи). Чтобы сшить дочке ситцевое платье, нужно тоже полный воз хлеба, а чтобы купить шерстяной костюм (аршин шерстяной материи стоит не меньше 8 пуд. ржи), нужно привести 3—4 воза хлеба.

Удивительно ли, что у мужика начинает нарастать недовольство?

— „Жить бы хорошо при Советской власти, кабы не драли двух шкур, а то земельку без аренды дали, а за это товарищи продналог берут **и за пуд соли 3 пуда ржи**“.

У большинства крестьян отношение к дороговизне, как к особому виду налога. И хотя мы не всегда удерживались от того, чтобы не напо-

мнить крестьянам о том, что недавно соотношение в цене в мануфактуре и хлебе было обратное и что всю революцию крестьяне получали за свой хлеб в 4—5—10 раз больше того, что он стоил в мирное время, но все же это, конечно, не могло ничего изменить в основном отношении, которое прекрасно понимают крестьяне. Само собой разумеется, что в настоящих условиях крестьянское хозяйство есть основной источник, могущий дать средства для восстановления городской промышленности, и некоторый рост цен в пользу городской промышленности неизбежен. Но здесь было бы чрезвычайно интересно и важно проверить, документально установить, **какие** именно факторы создают эту неимоверную дороговизну продуктов, идущих крестьянству, чтобы начать систематическое уничтожение той части цены товара, которая вызывается организационно-хозяйственными недостатками нашего производства, транспорта и торговли.

Нужно документально проверить.

Председатель районного союза Потребительской Кооперации т. Новиков рисовал нам цены в виде снежного кома, катящегося с горы; от завода к тресту, от треста к синдикату, от синдиката к Центросоюзу, от Центросоюза к Губсоюзу, от Губсоюза к Уездсоюзу, от Уездсоюза к Райсоюзу и от Райсоюза, наконец, к „многолавке“, которая продает уже крестьянину.

Каждая из этих организаций начисляет некоторый процент на свое содержание. Проценты эти растут сверху донизу, составляя по его расчету не меньше 100% исходной цены.

Чрезвычайно важно было бы проверить, хотя бы на перечисленных выше товарах, составляю-

щих основной предмет крестьянских покупок, поскольку крестьянские покупки не выходят еще преимущественно из круга предметов потребления, из каких элементов складываются те три пуда, которые платить приходится мужику за пуд соли. Сколько из них получает государственная промышленность, сколько с'едает наш аппарат, и сколько получает государство в виде налогов?

Если бы по соли, керосину, ситцу, чугуну, рыбе, гвоздям и железу произвести подобного рода расследование, выделить тот накладной расход, который дает наш отвратительный аппарат, то, может быть, получился бы материал, который позволил бы судить об успехах смычки с крестьянством лучше, чем какие бы то ни было тезисы.

V.

Партия в деревне.

Вол'ячейка. В Никольской волости 11 человек в ячейке, в том числе 3 крестьянина. Из этих трех—один председатель волисполкома. Оба подымают свое хозяйство непосредственно в связи со своей должностью...

„Непосредственно у станка" один крестьянин села Зуевки Алистратов. Работа его партийная состояла в сборе продналога. Скромный рядовой крестьянин, признается сам, что не пользуется авторитетом. Так же, как и все крестьяне, не сразу признается, что ему приходится оплачивать „дружескую услугу"—право пользоваться инвентарем, предоставляемым ему соседом. Мечтает о пятиполье, даже крестьян на это подговаривает, думает, что так подымает свое хозяйство.

Было у него до революции $^1/_{16}$ десятины под усадьбой,—а теперь $^1/_2$ десятины под усадьбой и 6 под пашней. Засеял в 20 году две десятины, в 22—полторы, а полторы исполу сдал. Осенью засеял $^1/_2$ дес., а яровых надеется три десятины поднять. Уверен, что подымется.

Был портным, но о портняжеском деле и не думает, хотя инвентарь и лошадь приходится брать за отработок. По всему видно, что с го-

родом порвал окончательно и твердо идет к своей цели – стать середняком.

Яркой фигурой в ячейке является Юдин, Григорий Афанасьевич. До революции $8^1/_2$ десятин имел,—коновалом был. Но так на помещиков осерчал, что с самой революции все бросил и пошел по советским делам.

Хозяйство ослабло, конечно,—с $5^1/_2$ десятин посева в 17 году дошло до $3^3/_4$ дес. в 22 году.

Церкви противником давно стал, до революции еще, даже старуха не постится.

Рассказывает, как, чтобы спасти пожарный обоз, пришлось его под собственными окнами поставить,—а то бы растащили обязательно.

Добился двух учителей на 111 дворов. В самый голодный год устроил учителей, собрал им 46 пудов хлеба, 30 пудов картошки, 9 пудов конопли и 4 овцы, от кулаков забранных.

—„Но попам продолжают сыпать почем зря, а молодежь в силу не вошла еще“.—В приходе его кормится поповскими делами 8 человек: поп, псаломщик, дьякон, 3 сторожа, „титор“ и „подтитор“. А в Опочкинском приходе было 11 человек: 2 попа, дьякон, 2 псаломщика, 3 сторожа, „титор“, „подтитор“ и регент—целую гимназию можно было бы содержать за этот счет.

Типичный крестьянский коммунист по своим занятиям. В 20 году работал по продразверстке, в 21—по продналогу, в 22 в заготконторе. Рассказ о спасении обоза и учителей выудили из него с трудом;—это он не считает за партийную работу, не привык считать партийной работой... Другую, кроме продналоговой, партийную работу представляет с большим трудом. Был одно время членом Уисполкома.

Распределение обязанностей и профессий ос-

тальных членов ячейки:—старший милиционер, служащий уголрозыска, помощник начальника станции, железнодорожный рабочий, секретарь ячейки, ныне — полукрестьянин, Кочергин — сын мелкого купца.

Ячейка в целом вопроса о поднятии крестьянского хозяйства не обсуждала. Открытых собраний ячейки не было. Мое предложение такое собрание устроить, по примеру ряда крестьянских ячеек, рассматривали с удивлением, как плод незнания местных условий: не соберутся, да и крестьяне не придут, или придут только кулаки. Ясно, что открытые собрания нарушат мирное существование ячейки, поработавшей осенью на продналоге, а ныне собирающейся изредка для очередных дел и для проведения очередных кампаний.

Среди этих кампаний и туберкулезная кампания. Для этой туберкулезной кампании секретарь ячейки бегал по всем селам, агитировал крестьян, собрал даже несколько сотен миллионов рублей. А крестьяне, перечисляя нам налоги, на них накладывающиеся (общим числом 16), не забыли упомянуть и такого налога, как „туберкулезный“.

По словам самих членов ячейки, четверо из них читают регулярно газеты, четверо читают их редко, остальные „средне“. При более подробном рассмотрении, что значит „регулярно“, что „редко“ и что „средне“, обнаружилось, что наиболее частое чтение—раз в неделю, раз в 2 недели... Газету выписывать непосильно. Говорят— и правду говорят,—что **Москва чересчур в роскошь ударилась, а крестьянам и им, деревенским коммунистам, газеты нет.**

В Шумакове при агропункте организовались курсы сельскохозяйственной грамоты. Уком пред-

ложил волячейке послать туда учителей грамоты, но не догадался предложить той же вол'ячейке или ячейке комсомольцев послать своих членов — учиться на этих курсах. А комсомольцы—„максомольцы"—те и не слыхали про Шумаковские курсы,—а хотели бы учиться.

Председатель волисполкома обстраивает свое хозяйство. Получил из милиции с 1-го февраля на работу лошадь, землю обрабатывает пока брат жены. Земли сейчас 7 десятин (в 22 году получил). Хату построил из постройки купца. Семена получил в продорганах. Секретарь ячейки ругает его ругательски:—„Обуржуазился, не подчиняется распоряжениям ячейки, не делает докладов, сарай купца бывшего купил у волости за 40 пудов, в то время, как он стоит гораздо дороже".

Секретарь ячейки рассказывает, что крестьяне относятся к коммунистам „**добродушно**, но Кочергиным и председателем колют глаза".

Эти одиннадцать человек - плод непрерывного уменьшения еще с тех времен, когда в 18 году сотни были в партии. В одной Никольской сельской ячейке 85 человек было еще перед белыми.

Бывшие красноармейцы.

Встречали мы в волости красноармейцев, по уровню несомненно превосходящих средний уровень членов ячейки,—но в партию они не идут. Не записываются и те, что в Красной армии в партии состояли. **Заедает деревня**, засасывает инерция. Каждый красноармеец как будто в клеточку готовую попал, из которой не выберется. Хотя по соседству есть случай и некоторой активности бывших красноармейцев. В Рогозецкой волости вошло в ячейку 6 членов из Красной армии. В селе Грядасове вышел на митинг бывший красноармеец „умнее

и сложнее даже, чем я (сообщает секретарь ячейки) говорил“... Религиозный момент препятствует ему в партию вступить: „Войдешь в партию, а тут запретите детей крестить—куда после на селе денешься?..“

Другой такой красноармеец (вспоминает член ячейки) активно сочувствует, в партию не вступает потому, что „слишком отрывает“.

В нашу никольскую ячейку красноармеец деревни Княжая подал заявление; ему секретарь сказал: „Дай поручителей по уставу“,—а поручителей „откуда взять?“ Он походил, походил и бросил...

Последних статей Ленинских никто из членов ячейки не читал и не слыхал о них.

По нашему приблизительному подсчету, только по 5-ти нами исследованным селам имеется не менее 20—25 красноармейцев коммунистов, по возвращении в село не записавшихся в партию, которые по сознательности не уступают ныне числящимся членам партии.

Перспектив вступления в партию при нынешнем типе работы—никаких, по словам всех членов ячейки.

Задача,—извлечь из красноармейцев наиболее добросовестных и преданных, привлечь их в той или иной форме к работе партии,—кажется неосуществимой членам ячейки,—да она, действительно, неосуществима, если ячейка останется в том составе, в каком она есть, и на той работе, на которой она есть, на продналоге, плюс очередная кампания, которую нужно отбарабанить,—и с плеч долой.

Чтобы двинуть вперед работу такой ячейки, нужно, во-первых, **освежить состав**, во-вторых, **изменить характер работы**, в третьих, **дать организатора**, который бы мог проделать и то и другое.

„Максомольцы“. Комсомольцев 12, в том числе 7 сыновей крестьян. С осени все до одного работали на продналоге. Продкампанию вынесли на своих плечах. Работы по раз‘яснению и пропаганде продналога не вели и не могли вести, потому что сами ничего не знали. Мобилизовали и погнали их на продналог. Выполняли они исключительно административные функции.

В церковь не ходят, говорят, что ходить нечего: „Там все поповские байки, каждый день одно и то же“; но насчет существования бога ничего сказать не могут: „ничего не знаем, книжек не читали“... Книжек вообще не получают. Про попов готовы повторить любой анекдот и рассказать свежий, которого до сих пор прослышать не приходилось. Но мы на десятках крестьян уже увидели, что подобного рода анекдоты ничего не стоят: они ничуть не мешают попу фунты носить, и причащаться, и говеть, а на школу ни одного фунта не давать.

Программы и устава партии комсомольцы Никольской волости не видали, а видеть хотели бы. Про журнал „Молодая Гвардия“, которым так гордится ЦК РКСМ, не слыхали. А ведь ячейка имеет центром волостной пункт, который лежит на железной дороге, на великом пути из Москвы в Харьков.

Жалуются на коммунистов, что не понимают их работы, не оказывают нужного содействия; только последний секретарь ячейки стал обращать на них внимание.

Считают вполне естественным—факт сосредоточения своей работы на продналоге, не знают, что работа может и должна быть иной.

Стал спрашивать я, почему вступили в комсомол. Тут стало обнаруживаться новое. Большинство вступило из тоски по учению, по книге, которой нигде в деревне не достанешь. Хотят узнать, что такое партия, хотят „иметь развитие политическое и понимать мир“, хотят „иметь литературу и руководителей“... А один из комсомольцев, сын крестьянина, недавно вступивший, один из наиболее смышленых, прямо говорит: „**Чтобы старые нелепости, вопхатые в голову, уничтожить,—нужно воспитание**“, и с отчаянием прибавляет: „и нет руководителей, нет книг, газеты через 2 недели видишь, и то Тимскую, уездную, из которой проку нет никакого“.

О четырехполье не слыхали и не задумывались. Доклада такого у них в ячейке не было ни разу, никто об этом им не рассказывал, книжек не встречали. (А наш, тянущийся за „большими“, Комсомол Всероссийский тонкости пролетарской культуры в „Молодой Гвардии“ отделывает!) А рядом никольский землемер живет, который готов лекции прочитать, недалеко агроном, который тоже от этого не откажется; также недалеко сельскохозяйственные курсы, о которых, как я уже говорил, не слыхали товарищи комсомольцы. Про книжку говорят: „Видит око, да зуб неймет“ — Откуда крестьянским сыновьям на десятимиллионную „Молодую Гвардию“ денег достать?..

Ребята смышленые, глаза у них прямо разгораются при обещании прислать из Москвы книжки о том, **что такое Коммунистическая Партия, Советская власть, как земля движется вокруг солнца, что собой представляют звезды, откуда пошли христианские праздники на земле**. Хотят комсомольцы перестать быть только „максомольцами“ крестьянскими, но не помогает им в этом ни партия, ни союз.

Радуются тому, что председатель волисполкома в нашем присутствии обещает шкафы, чтобы вытащить из-под спуда книги библиотеки, ликвидированной за отсутствием шкафов и занятия помещения под ссыпной пункт. Два года уже в таком состоянии находится библиотека, никак вол'ячейка и волисполком не могут разбогатеть на шкафы для библиотеки. Не пришлось мне поглядеть эту библиотеку, но заранее уверен, что немного от нее сохранилось за эти два года.

Основное, что бросается в глаза в работе и ячейки партийной, и ячейки комсомольской,—это то, что живут они по инерции: нет вовсе инициативы никакой, нет попыток вовлечь крестьян в работу, нет понимания необходимости не только сосредоточиваться в себе, а быть передаточным механизмом от рабочего класса ко всей крестьянской массе.

Продналог, финработа и административно-милицейская работа **с'ели коммунистическую ячейку и ячейку комсомольцев, с'ели целиком, со всем аппаратом, всей психикой, всем сознанием**...

Секретарь ячейки работает добросовестно, но где ему разрушить ту инертность в партийной работе, которая не им создана и которая является всероссийским явлением...

Красноармейцы в дедовской клетке.

За время нашего пребывания в деревне мне пришлось говорить с десятками бывших красноармейцев, преимущественно из молодежи.

Если говорить с каждым в отдельности, или с группой по любому вопросу—и политики, и хозяйства,—то пребывание в Красной армии и опыт гражданской войны сказываются в человеке чрез-

вычайно быстро. Это чувствуется особенно четко, когда дело доходит до вопросов культурного порядка.

Тягу к знанию, жажду знания, скептицизм к церкви принесли с собой в деревню очень многие. Но от этого **скептицизма** отдельного бывшего красноармейца до **действий** десятка красноармейцев,— **огромное расстояние в условиях нашей крестьянской действительности**. В селе Никольском говорила мне группа красноармейцев, оправдывая свое бездействие по поводу занятия школы под лошадь и корову церковного сторожа: „Остальных не вытащишь, все равно,— **стариков не возьмешь**“... И тут-же из самооправдания еще одно соображение: „Все хорошо в программе партии, но много ее под ногами топчут“...

А привычное, в Красной армии усвоенное, отношение к партии, как к партии, защищающей рабочих и крестьян, вскроется вдруг при случайном разговоре об оставшихся жить в пределах волости членах семей бывших помещиков.

Рассказывает один: „Дочка генеральская хотела в партию, так мы пришли в ячейку, да скандал там учинили: какой она член партии“...—Хотя тут же нашелся один, который стал опровергать генеральское происхождение той особы, о которой шла речь, доказывая, что в ней есть та доля мужицкой крови, которой достаточно для того, чтобы пустить ее в партию, но одно обрисовалось вполне ярко из всех разговоров: „В партии коммунистов место только рабочим и крестьянам“.

Характерно, что бывшие коммунисты не сразу рассказывают о своем коммунистическом прошлом. Так, мы с одним коммунистом очень долго разговаривали, и только к концу часовой беседы он, немного стесняясь, сообщил, что был председа-

телем ячейки коммунистов в армейском штабе. Пришел в деревню,—а тут вековая инертность, до волостной ячейки далеко, знакомых никаких из членов ячейки нет,—так в партию и не записался.

Анекдоты о попах все крестьяне любители рассказывать. Про „поповские глаза" расскажут столько за один вечер, сколько десять „Безбожников" в год не выдумают.

Но у красноармейской молодежи уже не только анекдоты. Один слушал где-то в Минске речь расстриги попа, который сменял поповскую рясу на работу грузчика; другой — в клубе красноармейском слышал о создании мира путем, несколько отличающимся от того, который описан в библии и евангелиях; третий — помнит попов, с оружием в руках защищавших белых; четвертый—хорошо сосчитал поповские доходы.

А все вместе — венчаются в церкви, крестят детей и не видят способа, не знают способа выбиться из этого крестьянского быта.

Конечно, у них нет этого отношения к власти, которое есть у стариков крестьян. Один из таких стариков говорил мне о коммунистах: „Мы — народ **страшенный**. Придет коммунист, кричит, ногами топает, - а, чуть слово скажешь,—то в глаза взглянет, да прикрикнет, так не рад, что рот раскрыл".

Конечно, бывшие красноармейцы — народ не „страшенный". Они в значительной степени принадлежат к тем, от кого „страшенными" становились крестьяне. Поэтому в отношении и к волостной власти, и к сельской власти, и к вол'ячейке у них гораздо меньше приниженной покорности и страха, чем у стариков. А привыкший только к командованию ячейке всякое выражение несогласия та-

кого крестьянина с тем, что он слышит из уст представителя власти, кажется враждебностью Советской власти. Ячейка тем самым отстраняется от таких элементов крестьянской массы, которые могли бы помочь ей осуществлять дело руководства крестьянскими массами.

Члены ячейки, коммунисты, не могут не знать о том, что рядом с ними десятки такой молодежи живут, — но также не знают способа подойти к ним, — как красноармейцы, в условиях крестьянской действительности, не знают способа подойти к коммунисту.

О передаточном механизме к крестьянским массам.

А между тем, среди бывшей красноармейской молодежи можно найти не только материал для освежения рядов партии, но можно найти чудесный передаточный механизм от партии к крестьянским массам. **В борьбе за лучшие приемы хозяйничанья, за землеустройство, за организацию школы, за предоставление идущих ныне попу средств на дело народного образования, за выписку газет, за вышибание жуликов из кооперативов, за организацию сельско-хозяйственных товариществ—эти бывшие красноармейцы, при условии соответствующей работы партии, могут представить величайшей ценности и важности силу.**

Для этого не нужно об'единять их в особые организации—для этого нужно суметь выдвинуть наиболее инициативных, учесть их, от времени до времени собирать, от времени до времени направлять их на ту или иную отрасль работы. То, что проделывается в городе по использованию беспартийных, то — правда, с большим трудом **и не столь быстрым успехом** — может и должно быть проделано в деревне.

Целый ряд организаций, которые в настоящее время при небольшом количестве крестьянских коммунистов попадают в руки кулака и тянущегося к кулаку середняка, мог бы быть в руках, нам близких, если бы провести соответствующую работу среди бывших красноармейцев. Такие организации, как школьный совет или наблюдательный совет при избе-читальне, или правление кооператива, или председатель совета, должны перестать быть организациями бумажными, или находящимися в полном распоряжении у сельского схода, фактически направляемого более зажиточными элементами.

А для этого нужно—это признала целиком и та коммунистическая ячейка, с которой мы имели дело,—изменить решительно весь характер работы ячейки, дабы **превратить ее из органа, только собирающего налоги и приказывающего,—в орган, организующий и просвещающий** наиболее близкий к нам элемент, наиболее сознательный элемент из бедняков и середняков, которые опытом гражданской войны научены искать союза с Советской властью.

Большую помощь могли бы оказать политические органы Красной армии, насчитывающие много коммунистов, прошедших всю гражданскую войну в армии, имеющих связь или могущих установить ту или иную связь с демобилизованными красноармейцами. Если бы Политотделам армии удалось восстановить письменную и личную связь хотя бы с тысячами таких красноармейцев—это сослужило бы большую пользу делу осуществления руководства крестьянства рабочим классом.

Конечно, одновременно встает вопрос о том, может ли нынешняя крестьянская ячейка, без по-

мощи со стороны всей партии, такую работу провести. На вопрос этот нужно ответить прямо — нет, не может.

Дать пополнение крестьянским ячейкам.

Освежить состав ячейки, влить туда некоторое пополнение из элементов, пришедших из Красной армии, изменить работу ячейки,— для этого нужно дать ячейкам (волостным и крупным сельским) пополнение в организаторских и пропагандистских силах, находящихся на жаловании у партии. Прежде всего нужно дать в течение ближайших 2-х лет удовлетворительных организаторов, хотя бы в половину волостей Республики. Частью их может брать партия из тех сил, которые она сейчас держит, в достаточной степени непроизводительно, в первую очередь на уездной работе; частью их должны давать нам совпартшколы, которые давно уже отступили от своей основной задачи—давать партийных и советских работников и превратились в самоцель, в аппарат, работающий сам для себя.

Совпартшколы—деревне.

Губернские совпартшколы должны в течение ближайших двух лет дать в два выпуска несколько тысяч работников крестьянских ячеек, способных сдвинуть инерцию крестьянской партработы с места. Партия дала совпартшколам огромное количество сил и средств за время революции, — она вправе получать от совпартшкол такие деловые проценты с затраченного капитала.

Тут встает вопрос о том, нельзя ли в настоящее время поставить своей задачей организацию маломощных групп крестьянства в особую организацию, типа комнезамов на Украине.

Не удастся создать организации маломощных.

Конечно, если судить только по цифре безинвентарных и безлошадных крестьян, то можно будет ответить на этот вопрос положительно. Имеются сотни тысяч и миллионы крестьян, которые могли бы стать членами организации маломощных.

Но тут приходится принимать во внимание не только количество таких крестьян в настоящее время, но и то состояние, в котором они сейчас находятся. Это—состояние **пафоса хозяйственного строительства, когда все силы направлены на то, чтобы выбиться во что бы то ни стало и осилить ту землю, которая дана революцией.**

У крестьянина, не имеющего инвентаря и лошади, все сейчас направлено на то, чтобы добиться необходимого сельскохозяйственного орудия производства. Мы видели десятки таких, готовых попрошайничать, унижаться, итти на любую кабальную сделку во имя того, чтобы добыть лошадь, и уверенных в том, что этой лошади они в ближайшие годы добьются.

Мы знаем—действительность жестоко обманет надежды многих из них, но настоящие условия затрудняют организационно-политическое и экономическое выделение беднейших элементов из общей крестьянской массы.

Комнезамы на Украине.

Комнезамы на Украине есть процент с капитала прошлого. Они выросли из борьбы с бандитизмом, из экспроприации кулака, из войны с десятками врагов, нападавших на Советскую Украину. Они пережили первый год новой экономической политики, наиболее для них тяжелый, закаляясь

в борьбе с бандитизмом и очищаясь от вредных элементов с помощью партии. А последний год открывает для них уже новое поле деятельности, поскольку процесс расслоения на Украине, имеющей исстари значительный кулацкий элемент, неизбежный при новой экономической политике, ускорен голодом и тяжестью происходившей там гражданской войны.

Создавать такого рода организацию в настоящее время в России, в условиях, сравнительно с Украиной, меньшей дифференциации крестьянства, было бы безнадежно.

Только в связи с дальнейшим расслоением деревни, только в связи с исчезновением надежды выбиться в середняки у некоторой части маломощных крестьян,—откроется возможность организации маломощных элементов деревни.

К сведению могущих обидеться.

Я знаю, что многие из наших партийных администраторов и организаторов будут чрезвычайно обижены той характеристикой партийной работы среди крестьян, которую я даю. Многие скажут, что эта характеристика не обоснована, поскольку она опирается исключительно на опыт „одной ячейки“. Поэтому мы проверим заключение, сделанное на основании работы одной ячейки, материалами, характеризующими работу 59-ти ячеек Полтавской губ.

Полтавским Губкомом была произведена анкета по целому ряду вопросов, характеризующих состояние партийной организации в деревне, в частности, характер внутри-партийной работы. Из вопросов этих анкет выделим три, которые определяют в значительной степени направление работы ячеек. Ответы Полтавской губернии будут

тем характернее, что крестьянские ячейки на Украине проделали значительно больший опыт экономической и политической борьбы с кулаками, чем ячейки значительной части России... Поэтому есть все основания предполагать, что эти ячейки в среднем не ниже, а выше средней русской ячейки по уровню своей работы.

Вопросы крестьянского хозяйства у полтавск. коммунистов.

Вопрос 21-й полтавской анкеты: „Были ли случаи, чтобы ячейка обсуждала у себя вопросы о восстановлении крестьянского хозяйства с применением лучших способов обработки; сколько таких вопросов и какие постановления?“.

Из 17 опрошенных ячеек Полтавского уезда, 13 ответили на этот вопрос отрицательно и только 4 положительно.

Из 5 ячеек Зеньковского уезда, все пять ответили на этот вопрос отрицательно: вопросов восстановления сельского хозяйства не обсуждали и никаких постановлений по этим вопросам не выносили.

Из 10 ячеек Красноградского уезда, 4 ячейки ни разу не обсуждали этого вопроса.

Из 7 ячеек Миргородского уезда, 2 не обсуждали ни разу.

Из 9 ячеек Пирятинского уезда, 3 не обсуждали ни разу.

И только в Прилукском уезде все 5 опрошенных и в Роменском у. все 4 опрошенных ячейки ответили на этот вопрос положительно.

Но, когда мы рассматриваем положительные ответы, то мы видим, что обсуждение сводилось преимущественно к организации коллективов из членов ячейки; вопросы ставились только по од-

ному—два раза. При значительной части ответов положительного характера имеется отметка о том, что в жизнь проведено ничего не было.

Наиболее характерные из ответов:

Сокольская ячейка Кобелякского у. отвечает: „Не было, в виду отсутствия материалов и указаний“.

Сахновщинская ячейка Красноградского у. отвечает: „Таких вопросов не обсуждали“.

Лугащенская ячейка того же уезда отвечает: „Таких обсуждений не было“.

Наташинская ячейка того-же уезда просто оставляет свободным место, предназначенное для ответа.

Белоцерковская волость Пирятинского уезда отвечает: „Таких вопросов не было“.

Чтобы не было сомнений о времени, к которому относится ответ, Антоновская ячейка Пирятинского уезда отвечает: „Таковых вопросов **никогда** ячейка не обсуждала“.

Сенджаровская ячейка Полтавского уезда говорит: „Таких случаев не было“.

Наиболее употребительные ответы отличаются непривычной в большевистских анкетах краткостью: или „не было“, или „нет“.

Вопросы просвещения в полтавских ячейках.

А вот другой вопрос, который может ответить на наши сомнения о характере работы ячеек—вопрос 22-й: „Занималась ли ячейка вопросами просвещения своих членов, и было ли постановление подписаться на газету или книги?“.

Поскольку ответ на вторую часть вопроса (о подписке) дает нам тираж „Бедноты“, и в рассмотренных нами анкетах он в большинстве отрицательный, мы выделим первую часть вопроса (о просвещении) и рассмотрим ответы на нее.

По Зеньковскому уезду из 5 ячеек три ответили просто: „Партпросвещением не занимались“, а 2 ответили по существу то же, но в несколько иной форме,—Камышинская ячейка ответила: „Обсуждались раза 3, но в жизнь не проведены, в виду плохого отношения членов партии“. Бельская ячейка сообщает: „Занимались партпросвещением“.

Из 2 ячеек Кобелякского уезда, 2 ответили отрицательно на вопрос о работе по партпросвещению.

Из 10 ячеек Красноградского уезда, 5 вопросами партпросвещения не занимались, а 5 дали положительные ответы такого характера, что их правильнее было бы причислить к отрицательным (мы будем считать их положительными для того, чтобы об'ективная картина внутри - партийной работы крестьянских ячеек не получилась ни в коем случае в худшем виде, чем она есть в действительности).

Из 7 ячеек Миргородского уезда, только одна Савинская дала ответ отрицательный. „Не было, и тяготения к просвещению у коммунистов не наблюдалось“,—остальные ответили положительно. Отметим „положительный“ ответ Имшакской ячейки: „Стремятся к просвещению, но газет не выписывают“,—и Петровской ячейки: „Задавались, но, в виду перегруженности работой, не выполнено“.

Из 9 ячеек Пирятинского уезда, 5 ответили положительно и 4 отрицательно. Из положительных ответов возьмем ответ Золотоношской ячейки: „Были, но средств не оказалось“,—и Капустянской ячейки: „Были обсуждения и постановления, но ничто в жизнь не проведено“.

Из 5 ячеек по Прилукскому уезду, 2 ответа

отрицательных и 3 положительных. Характерен положительный ответ Сребновской ячейки: „Вопрос о просвещении ячейкой разбирался, но нет такого товарища, который бы повел работу".

Из 17 ячеек Полтавского у., только 4 отвечают прямо отрицательно.

Характерен ответ Супруновской ячейки: „Были, но, благодаря создавшемуся положению ячейки, ничего не получилось".

Из 4 ячеек Роменского уезда, 2 ответили положительно и 2 отрицательно.

Большинство положительных ответов вызывает сомнение, так как вопрос сконструирован таким образом, что, соединяя вопрос о просвещении с вопросом о выписке газет, давал возможность многим отвечать положительно на первый вопрос—о партпросвещении—раз'ясняя его фактом выписки газет, т. е. покрывая вопрос о партпросвещении выпиской газет.

Обязанности полтавских коммунистов.

Все это дополняется ответами на вопрос 14-й: „Имеет ли каждый член ячейки какие-либо обязанности, которые ему поручает общее собрание ячейки, или бюро, или секретарь. Перечислите конкретно, какие обязанности, в какой срок их надлежало или надлежит выполнить"... Большинство ячеек не отмечает никакой работы, кроме работы продналоговой и административно-командной.

Наиболее характерны ответы:

Камышанской ячейки Зеньковского уезда: „По продналогу, по местному гражданскому налогу и т. д.—срок не устанавливается".

Куземинской ячейки того же уезда: „Даются задания отдельным членам партии по ударным кампаниям, как-то: продналогу, денежному на-

логу и проч., и проч. Других же постоянных заданий нет".

Сахновщинская ячейка Конградского уезда дает классический ответ: „Постановлением Волпарткома от 17 августа всем товарищам вменена обязанность по выполнению продналога, т.-е. по изысканию продналогов. Работа началась 25-го августа и до 1-го октября доведена до 95%".

Лукашевская ячейка того же уезда отвечает: „Не было никаких заданий".

Ответ Лекашской ячейки того же уезда: **„Продработа, сбор общегражданского налога, проведение в жизнь приказов Уисполкома по Земотделу №№ 41 и 44—выполнены"**.

Не менее „хорош" ответ Дар-Надеждинской ячейки: „Все ударные работы **по заданиям власти** поручаются общим собранием; исполняются средне".

А Камышанская ячейка на вопрос о партобязанностях отвечает: „Назначенные секретарем написать рефераты по политэкономии выполнялись слабо".

Миргородская ячейка даже не представляет другой работы, кроме кампаний: „Для проведений кампаний назначается определенное число товарищей"...

Петровская ячейка Миргородского уезда пишет: „Имеют разного свойства, например, продналог и другие, которые требуют политического влияния; выполнялись в назначенные сроки".

Капустянская ячейка Пирятинского у.: „Один член уполномочен по продналогу, а остальные заданий не имеют".

Антоновская ячейка того же уезда: „Обязанностей ячейкой и никем ни одному товарищу не давалось".

Богодарская ячейка того же уезда: „Нет“.

Золотоношская ячейка того же уезда: „Нет, не имеют“.

Сребновская ячейка Прилукского уезда: „В настоящее время никакой работы в ячейке не ведется; некоторые члены работают по продналогу, некоторые—в советских учреждениях. Благодаря отсутствию секретаря и недисциплинированности членов, политвоспитательной работы нет“.

Диканская ячейка Полтавского уезда: „Нет“.

Первозвановская ячейка Полтавского уезда: „Члены ячейки до сих пор не имели никаких обязанностей, кроме выкачки местных средств, продналога и помголода“.

Чутовская ячейка того-же уезда: „Ударные работы по продкампании, помголоду, местные средства и проч.“.

Мы приводим этот материал исключительно для того, чтобы им потвердить выводы, которые сделаны на основании обследования работы нашей Никольской ячейки. Полтавские ответы говорят сами за себя тем ярче, что они заполнялись по каждому уезду разными лицами.

От подсобного советского аппарата к ячейке партии.

Нет партийной ячейки в деревне — есть подсобный советский аппарат, более или менее хорошо, или более или менее плохо работающий. Нет части партии, проводящей влияние рабочего класса на крестьянство,—есть выполняющие приказы „власти“ и продналог учреждения. Нет организации, умеющей вести за собой крестьянскую массу работой по организации и просвещению,—есть советское учреждение, которое и представить не может иной партийной работы, кроме работы продналогового или административно-командного порядка.

На Украине положение облегчается тем, что там имеются комнезамы, являющиеся дополнительным передаточным механизмом от партии к массам. В России этого передаточного механизма нет, и тем хуже положение.

Я бы не хотел, чтобы меня поняли в смысле предложения прекратить всяческое участие ячейки в административной и налоговой работе, — но нужно добиться того, чтобы эта работа, по крайней мере, не заедала основной работы, не вытесняла основной работы, не выпирала из всех прочих работ на первое место. Нужно добиться того, чтобы работа ячейки по просвещению и организации беднейшего и среднего крестьянства и по просвещению самих себя выдвинулась на первый план, стала ясно перед сознанием наших партийных организаций. Нужно, кроме того, конечно, чтобы вся партия в целом дала нашим крестьянским ячейкам материальную возможность такого перехода. Такая линия развития партийной организации в деревне наметилась уже в ряде пунктов.

Задачи партии — осуществить во всесоюзном масштабе то, что определилось к настоящему на опыте ряда мест.

Комсомольцам в Никольской волости попросту приказали собраться в 24 часа и разогнали по сбору продналога,—это инерция 20-го года, продолжающая жить и в новой обстановке.

Помощь сверху нашим крестьянским ячейкам должна заключаться в такой перестройке продовольственного и финансового аппаратов, чтобы они могли основную массу работы проделать сами. Они достаточно стоят государству, чтобы партия могла потребовать от них недопущения превращения низовых партийных ячеек исключительно

в ячейки содействия Наркомфину и Наркомпроду. Изменение содержания работы ячеек РКП в деревне идет последний год в целом ряде мест. Имеются уже десятки и сотни ячеек в волостях и деревнях, ставящие свою работу так, как следует ставить части РКП, руководящей жизнью огромной страны, борющейся за социализм. Перед партией задача сделать массовым, всеобщим то, что сегодня еще является единичным отрадным фактом.

VI.

Деревенская культура.

Газета. В пяти обследованных нами селах только один человек получает газету—бывший купец, имеющий монополию на знание мероприятий Советской власти, авторитетное раз'яснение ее намерений, декретов и постановлений для крестьян всей волости.

Да где, действительно, выписать крестьянину нашу газету! Раньше кадетское „Современное Слово" стоило 45 копеек в месяц,—т.-е. крестьянин должен был продать немногим больше полпуда хлеба для того, чтобы имет газету. Теперь „Беднота" стоит 25 миллионов, и крестьянин Никольской волости должен продать 4 пуда для того, чтобы выписать „Известия" на один месяц.

Не удивительно, что все крестьяне улыбались при наших вопросах о выписке газет.

В условиях крестьянской жизни чрезвычайно быстро потеряли привычку к чтению газет и красноармейцы. Многие из тех красноармейцев, с которыми нам приходилось беседовать, или сами читали газету ежедневно, или слушали чрезвычайно часто ее чтение в казарме, в клубе; теперь они месяцами не видят ни одного газетного листка.

В селе Ивановке собрание крестьян, отвечавшее нам на вопросы последнего бланка, долго

вспоминало, когда у них в селе был последний номер газеты; наконец, указали — в мае 1922 года. И это в селе, находящемся в 3 верстах от станции Южных железных дорог. До этой станции поезд от Москвы ходит всего лишь 20 часов. А в Москве, ведь, издаются десятки газет, многолистных, многошумных, дающих образцы новой пролетарской культуры... Как тут не вспомнить старое, казалось бы, давно забытое.

„В столице шум, гремят витии, идет словесная война, а там, во глубине России, там вековая тишина“ ...

Школа. Когда мы приехали в Никольское, я первым делом проверил тот признак, по которому авторитетный курский товарищ учил меня отличать школу. Заметил недалеко от церкви порядочной величины домик с окнами, забитыми всякой дрянью, какую только может крестьянский обиход представить.

Зашел туда: налево лошадь, корова, овцы; направо жилое помещение, откуда слышны голоса. Решил, что на этот раз курский „признак“ обманул. Для проверки еще при выходе спросил одного из проходящих крестьян, кто в этом доме живет. Получил точный ответ: „Тут четыре года назад школа закрылась; дом пустовал, его церковный сторож взял под свое помещение“.

В селе Зуевке школа работала до декабря. В декабре закрылась: крестьяне не собрали несколько возов дров, которые нужны для ее топки.

А в то же время жена дьяка в селе Никольском обучает большую группу ребят — по полтора пуда с каждого берет в месяц. Цифра, о которой и мечтать не вздумается какой бы то ни было учительнице.

Не страдает от отсутствия школы и зажиточ-

ный элемент Зуевского села: там группу ведет матушка, учеников немного, но плата хорошая.

А мужики посерьезнее на вопрос о школе руками машут. „Без дубины нашего мужика не пробудишь; он так привык, так его приучили. Надо не просить школу открыть, а приказать содрать со всех налог и открыть школу“...

А с красноармейцами поговоришь — нет такого, который бы не знал, что без грамоты не проживешь теперь, что губят ребят мужики, которые фунтов жалеют для учительницы да воза топлива для школы.

А в том же селе Никольском—больница с интеллигентным доктором, кончавшие всяческие школы два попа (да, два попа в одном селе), заведывающий совхозом, большой опыт проделавший в партийной и советской работах. В Зуевке даже коммунист один есть—коммунист Алистратов, о котором мы уже говорили.

Это не мешает крестьянам по 8-ми человек кормить на приход. Один из крестьян на вопрос о соломе для школы отвечает:

— „Откуда солому взять, нет ее. Уж и скотину нечем кормить. Раз начальники о школе не заботятся, а мы, **посторонние**, что можем сделать!“ В этом „**посторонние**“ вся глубина той тупости крестьянской, которую сотни лет царский режим вбивал в мужицкие головы...

В Зуевке перевели попа на жалованье, но большинство, кроме жалованья, за требы платит. Такса есть определенная: за венчанье, крестины и т. п.

Мужики — любой мужик — много расскажет о том, что есть у попа правило: „Кесарю — кесарево, божие—богови, а что мне попалось, то мое“, но в то же время точно и ясно расскажет о Комсомольском Рождестве.

„Максомольское Рождество?...Как же слыхали... Это, когда бог наказал одну девицу максомольскую, которая богородицей оделась, а бог ее с лошади... она ногу поломала и выкидыш произошел... тут и умерла“...

Несомненно, что в нынешнем отношении крестьянина к церкви **больше быта и темноты, чем религиозного убеждения или чувства.**

Рассказывал нам середнячок из села Александровки: „Поп учился, бросать его нельзя. Новой религии не хотим, для новой религии нужны новые церкви: еще деньги тратить, останемся со старой“. А то такой довод: „Если держать оборванного попа, это будет одна смехота. Его детишки запыряют“. А третий с ехидством немалым раз‘ясняет: „Мы не за попа, а за церковь. Ежели бы товарищи хочь немножко дали того, что обещали... А то обещали и школу, и социализму, а теперь лыка на лапти не дают. Вот тут-то социализма“. Ежели же кто в церковь не ходит, все знают, даже мальчишки знают... А всего у нас по Республике до 40.000 приходов, до 50.000 попов, из них 41.000 сельских.

Новое в старом.

В каждом селе есть 3—4 семейства невенчанных. Отношение к ним у всех незлобное, у молодежи сочувственное, отрицательное у женщин—боятся, что гражданский брак не так прочен будет, как церковный. Крестьяне тут же раз‘ясняют, что все равно, мужика ничем не удержишь, а иной гражданский покрепче какого хочешь церковного будет.

О гражданских браках мы подробно говорили с крестьянами. По всему видно, что это новое своеобразно врастает в крестьянский быт. Большинство же „и попу, и волости платит за брак“.

В каждом селе имеются атеисты, не верящие в бога. Об этом говорят громогласно. Крестьяне принимают без удивления. И это может стать бытом.

Если подойти к лику села с точки зрения числовых соотношений, то мы имеем только одно: кормят 8 человек, обслуживающих церковь, и не могут прокормить одного, учащего детей. Но сдвиг, несомненно, намечается. Вопрос в том, кто этот сдвиг оформит, нарушит столетиями данный быт.

Евангелисты. Наш метод антирелигиозной пропаганды пока деревне ничего дать не может. Это прекрасно обнаружилось на диспуте, устроенном одним из наших товарищей, т. Кривиным. Предполагалось, что т. Кривин будет спорить и с отцом Александром, и с баптистами. На поверку оказалось, что спор, действительно, уже происходящий, назревший,- спор между евангелистами и православными. То, что мы даем, еще проходит мимо крестьянского сознания. Поэтому десять раз приходится нам примеривать любой метод антирелигиозной пропаганды, в особенности, поскольку он переносится в деревню, прежде чем его применить. **Шапками этого церковного быта не закидаешь.**

Поучительно богослужение у евангелистов. Воскресное богослужение продолжалось около 2-х часов. С обрядностью православной церкви решительно покончено. Вместо пышности православной церкви, спешки, формального отношения к обряду,—спокойное, медленное чтение евангелия и библии. У подавляющего большинства евангелие в руках. Следят глазами за читающим. Одновременно поворачивают страницы. После чтения—подробное и толковое раз'яснение про-

читанного с ссылками на опыт обыденной жизни. Христос из евангелия переносится в жизнь. Христа пытаются сделать близким к крестьянской жизни братьев и сестер, как они называют друг друга; — в этом одна из очень сильных сторон евангелистов!

Помещение не имеет никаких украшений, на стенах короткие цитаты из евангелия. Бросается в глаза рамка с выдержкой из советской конституции, гласящая о свободе религии, религиозной и антирелигиозной пропаганде.

В самом здании имеется в том же помещении библиотечка, предоставляемая в пользование членам общины. Это—в то время, когда волостная библиотека за отсутствием шкафов и помещения не функционирует уже два года.

Несколько опрошенных евангелистов в анкетах указали, что читают евангелие. Принимая во внимание, что подавляющее большинство вообще ничего не читает, приходится признать, что удельный вес читаемого евангелия очень велик среди прочих книг, пользуемых деревней.

Евангелисты кое-чему научились от нас в своих методах пропаганды: — у них во время богослужения присутствует около 20-ти еще не приобщившихся к религии (вроде наших беспартийных на заседаниях ячеек). Эти „беспартийные“ принимают участие в чтении, поднимаются и становятся на колени вместе с ними, поют вместе со всеми.

Молитвы импровизирует любой из присутствующих, конечно, не без толкового руководства своего пастыря. Просили Христа размягчить сердца властвующих, направить их на благие дела для христианского населения.

В то время, как в обычную воскресную службу

церковь полупустует, они собираются два раза в неделю—по воскресеньям и по четвергам; приходят на богослужение почти все члены общины.

Беспощадно бичуют самогон во время моления. Речь о самогоне носит митингово-воспитательный характер.

При первом взгляде на собравшихся видно, что более зажиточный элемент здесь сосредоточивается. Но не только более зажиточный. Идут сюда и те более передовые элементы села, которым революция раскрыла глаза на суть православной церкви и которым мы вместо церкви пока что мало еще смогли дать.

Один такой евангелист стоит особого упоминания.

Однажды к нам в хату пришла депутация от села Никольского с просьбой отменить отвод земли сахарному заводу. Пришел бывший председатель совета, полупьяный, с духом самогона, проникающим через дверь. Энергично посылал ко всем чертям белых, клялся во всех видах преданности Советской власти, все время теряя нить и цель, для которой депутация пришла к нам. Будучи членом церковного совета, отправил к чорту попа несколько раз, а насчет школы ответил иносказанием: „Была правда, да по свету гулять пошла, а где мы ее найдем“... И сам ответил: „Надо во что бы то ни стало догнать — на то и революция у нас“.

Рассказал нам, как костюм сыну покупал: чуть заработает сколько надо на костюм, а костюм вздорожает, так всю зиму гонится за ценой, никак ее нагнать не может.

С ним вместе — секретарь совета, бывший красноармеец, брат бывшего красноармейца-коммуниста. Почтительно молчит, предоставляет слово старшим.

А среди них — заведующий земотделом, баптист, умница, цель основную помнит, к ней все время разговор ведет. Стоит нам указать на то, что с землей дело безнадежно, — мысль ищет другого выхода: переделиться с соседними селами. Готов совместно выходить на участок, на отруба, так как знает, что при таком выходе нескольких селений тяжесть отвода заводу падет не только на село Никольское, но и на другие села...

Мы с этим баптистом встретились через пару дней в хате, где он, как представитель сравнительно крепких крестьян, давал нам ответы. Несколько часов разговора—и ни одного ответа не по существу, ни одного ответа спроста, все себе на уме. Этот может править селом.

Он даже и то признает, что хотя у них в Никольском и не видать таких, которые особенно над другими подымаются, но, если по всей Республике посмотреть, то нельзя не признать, что при новой экономической политике „новые крестьянские корольки и царьки явятся"...

Его по чистоте одной сразу узнаешь из десятка православных крестьян"...

На молении все опрятно одеты, чистоту поддерживают. Кто в лаптях—подвяжет специальные деревяшки, чтобы не промокали ноги — такого нововведения у православных не увидишь.

Хотя, конечно, когда дело доходит до проверки выполнения евангелистами их идеи, хотя бы в области борьбы с самогоном, находятся десятки свидетелей того, что этим самогоном баптисты грешат не менее православных. Но несомненно, что по сравнению с возглавляемой отцами Александрами церковью, баптисты, с их чистотой, порядком, проповедью здоровых начал быта,

с их „протестантским“ богослужением, представляют собой большой притягивающий центр для уходящих от православия крестьян.

Раз в неделю евангелисты собирают детей. С детьми проделывается то же, что и со взрослыми, только больше простых разговоров. В то время, **как Комсомол ни разу за последний год не собрал молодежи — у баптистов воспитание молодежи идет...**

А все же новое пробивается сквозь старое. Вопрос в том, **чтобы новое поддержать, противопоставить новое старому, не дать старому, привычному, от отцов и дедов данному, брать верх.**

Настоящий ленинец.

Один факт нового нельзя пропустить никак: на второй же день нашего приезда явился к нам крестьянин из села Козьмо-Демьяновского. Вид растрепанный — хозяина-середняка, ближе стоящего к маломощным. Шея повязана соломенным пучком в виде элегантного банта. С этим неизменным бантом из соломы мы видели этого крестьянина пять раз за время нашего пребывания в деревне.

Он приходил к нам пешком за 15 верст хлопотать о школе. Его общество заключило договор с Отделом Народного Образования, взяло на себя снабжение школы и учителя, нашло учителя. Дело за помещением. Помещение есть — бывший помещичий дом, в котором ныне живет семья какой-то власти, стоит станок, — остаток бывшего здесь когда-то кустарного предприятия. Дом уземотдел стремится сдать в аренду. За этот дом и ведет борьбу крестьянин с соломенной повязкой.

Мы решили запросить уезд о причинах, почему дом не сдается под школу. На следующий день

крестьянин пришел узнать, есть ли ответ из уезда. Ответа не было. Еще через день он снова пришел за ответом. Ответ пришел отрицательный. Он был в отчаянии.

Дали мы вторичный запрос в уезд,—опять два раза приходил за ответом. Приехавшему заместителю председателя уисполкома участвовавший в нашей экспедиции член президиума губисполкома дал распоряжение предоставить дом под школу. А делегат тут же решил отправиться в уезд за 40 верст пешком, чтобы своего не потерять. У него за школу один довод: „Ленин что в своей статье написал о школе, а тут никто помочь не хочет“...

Говорит, что, если уезд еще школу не даст, в губернию пойдет, до самого Ленина дойдет, а школы своему селу добьется.

В этом пробивается новое в старом и такое новое, которое преодолевает старое.

О дикости существующей.

Чтобы выяснить культурное лицо деревни, мы поставили несколько вопросов, которые выясняли по селам. Это, во-первых, когда уничтожен и куда девался пожарный обоз, во-вторых, куда девались хлебозапасные общественные магазины, в-третьих, размер помощи, оказанный комитетами взаимопомощи, и, в-четвертых, сколько сходок и по каким вопросам было по инициативе населения.

На эти вопросы по всем селам получили ответ, вполне подтверждающий первое впечатление: бывшие хлебозапасные магазины в большинстве сданы под жилье; пожарный обоз исчез неизвестно куда, или существует чрезвычайно преуменьшенный в своей мощности; помощь в порядке взаимопомощи ограничивается одним-двумя домохозя-

евами на село; сходок по инициативе населения не бывает.

Это падение общественных моментов крестьянской жизни чрезвычайно характерно и стоит чрезвычайно большого внимания, ибо старая крестьянская общественность, во главе которой стоял поп, купец и кулак, не действует, не будет действовать и не хочет действовать, когда вопрос идет об организации школы, или пожарного обоза, или сохранении хлебозапасных магазинов. **А новая общественность**, которую может возглавлять коммунистическая организация и красноармейцы, вернувшиеся с фронта,—**нарождается с огромным трудом. И партия и советское государство не делают еще той политической и культурной работы, без которой этой общественности не создашь.**

Крестьянское чтение.

В нашей анкете был вопрос о грамотных в семье и о том, что грамотные читают. Только 4—5 ответов говорят о сельско-хозяйственной и политической литературе. Остальные ответы примерно такого рода:

„Читает сказки, песенник, евангелие; других книг доставать не приходится“.

„Книги читает разные, что попадется в руки“.

„Читает книги духовного содержания“.

„Газет и книг не читаю – нет их“.

„Интересуется газетами, беллетристикой (Лев Толстой), вопросами экономики и политики, но не читает за отсутствием литературы“.

„Читает сказки; газет и книг никаких не читает“.

„Читает книги только духовного содержания“.

„Читает старые детские книги. Чтобы купить новые, интересные, нужно хлеба, а его мало“.

„Читает книги религиозного содержания, Шекспира, Байрона, русских классиков. Газет не читает".

„Читает русских классиков, иностранную литературу; своя небольшая библиотека; изредка читает газеты".

„Книг не читает за их неимением".

„Библиотекой не пользуется, хотя грамотны трое—сын и две дочери".

„Книгами интересуется, но, за недостатком их, не читает".

„Книги читает, какие только попадутся (медицинского характера, беллетристику)".

„Читает книги политического характера и всякие другие, какие только встречаются".

„Книги читает, какие попадаются".

„Книги в библиотеке раньше брал, а теперь не знает, где библиотека".

„Книги читает религиозного характера",

„Читает, что попадет в руки".

„Книг не читаю—нет книг. Купишь книгу—искуришь купленную. Все евангелие искурил".

„Читает евангелие и сказки (Бова королевич)".

„Газет не читает, книги читает, что попадут в руки".

„Читает книги все, какие только попадутся".

„Читает евангелие и библию".

„Книги читает разные и выписывал в прежнее время; библиотекой не пользуется".

Книги религиозного содержания читают преимущественно баптисты; сказки, Толстого и „что попадется под руку"—а попадается под руку почти исключительно старая мелочь—сказки, всевозможные приключения—читают „ищущие духовной пищи".

Еще о могущих обидеться.

Опять-таки могут усомниться,—насколько можно обобщить этот материал, насколько можно на основании его делать какие бы то ни было выводы.

Сомневающимся предлагаю подумать о следующем: за последние 2 года ни одним московским издательством не было ничего издано для деревни. Из 1000 примерно названий, изданных в 1922 г. Госиздатом только 35 книг и те со значительной натяжкой могут быть признаны годными для деревни. А из учебников, им же изданных, не больше полутора процента может подойти к деревенской школе. Из 500, примерно, книг, выпущенных Госиздатом за первые три месяца 1923 г., не больше 5—10 могут найти деревенского читателя. Только в последние недели начинает шевелиться Москва, преодолевая инерцию, косность, оставшееся от старой русской интеллигенции умничание в том деле, в котором больше всего требуется элементарной ясности, простоты и учета потребности полуграмотного крестьянского грамотея.

Откуда же может быть какая бы то ни было советская литература в деревне—в какой угодно деревне. Я уверен, что, если мы возьмем любую волость любой русской губернии и попытаемся проанализировать вопрос о чтении, то ответы получим примерно те же. Эти ответы будут колебаться от сказок к евангелию, от евангелия—к Нату Пинкертону, от Ната Пинкертона—к „Милорду аглицкому“.

Барство, заедающее нас.

Наши издательства проявили себя за последние 2 года, как издательства преимущественно на советскую и партийную верхушку расчитанные. Мы имеем уже очень недурно

поставленные издательства для руководящих элементов, но у нас нет ничего для деревни. Поэтому **не приходится и удивляться факту превалирования „Бовы-Королевича“ над несуществующей крестьянской советской литературой.**

А за Москвой и другие тянутся. Недалеко от Москвы Курск. Казалось бы, не трудно перевезти из Госиздата, из „Красной Нови“ что угодно из литературы для руководящей части коммунистов, казалось бы естественным курскому издательству сосредоточиться на издании литературы для крестьян. Ведь губерния исключительно крестьянская, рабочих по пальцам пересчитаешь.

А вот, подите-же, выпущено:

№№ по порядку.	Наименование книги и автор.	Тираж.
1	„Сборник исторических знаний“ . .	5.000
2	„Политический словарь“	5.000
3	„Политэкономия Богданова“, переработка Дволайцкого	5.000
4	„Политэкономия в вопросах и ответах“ Богданова	5.000
5	„Учение о государстве“ Стучка . . .	5.000
6	„Теория исторического материализма“ Бухарина	5.000
7	„Земельный кодекс“	5.000
8	„Мысли о религии“ Степанова . . .	10.000

№№ по порядку.	Наименование книги и автор.	Тираж.
9	„О правой и неправой вере“ Степанова	10.000
10	„Три дня“ Замятина	10.000
11	„Экономическое ученье К. Маркса“ Каутского	13.000
12	„Света—света“—пьеса	10.000
13	„Государство и революция“ Ленина	5.000
14	„Всеобщая история“ Рожкова	5.000
15	„Венерические болезни“ Каманина .	5.000
16	„Нужно ли верить в бога“ Рейснера	5.000
17	„От утопии к науке“ Энгельса . . .	5.000
18	„Сборник для крестьян“ — Х с'езд и очередные задачи Сов. власти .	5.000
19	Портреты Ленина, Троцкого и К. Маркса	30.000
20	„О таинстве святого причастия“ . .	10.000
21	„Сказание об Адаме и Еве“ по Лафаргу	5.000
22	„О непорочном зачатии“ его-же . .	5.000

Мы не смеем, конечно, сомневаться в том, что „Политическая экономия“ Богданова в переработке Дволайцкого является насущной книгой для крестьянина, ныне питающегося Бовой-Королевичем; также, конечно, не смеем сомневаться в том, что „Всеобщая История“ Рожкова, изданная в Москве, должна была быть обязательно переизданной Курском,—но нас все же удивляет, что, кроме литературы подобного рода, для крестьян предназначено всего 4—5 брошюрок.

— „Барство заедает наши партийные организации“, говорил нам один из членов ячейки. Я думаю, что если просмотреть изданное Московскими и провинциальными издательствами, то нельзя будет не сознаться, что действительно, немного „заедает“.

Необходима еженедельная крестьянская газета.

Я писал уже, что в селе Ивановке последняя газета была получена в мае 1922 года. Мы до сих пор не подняли тиража „Бедноты“. Тираж „Бедноты“ еще в начале 22-го года составлял 250.000 при бесплатной рассылке. При введении платности газеты он пал до 53.000 в апреле 1922 г. и составляет только 51.000 в феврале, 49.000 в марте и 50.000 в апреле 1923 г. И из этих 50.000 только половина идет непосредственно подписчику, а остальное берут партийные организации и ПУР для партийных ячеек в деревне и армии. Мало того: разговор о еженедельной газете, которая была бы посильной для крестьян, идет очень давно, но не прививается в наших черезчур „культурных“ условиях. Во Франции такая еженедельная газета идет почти в миллионе экземпляров, а у нас за это дело как будто бы некому браться.

Раз ячейка, волостной центр которой находится на линии железной дороги — в 15 часах езды от Москвы, где идет ежедневно почтовый поезд, получает газету на пятнадцатый—двадцатый день после ее выхода,—то это одно могло бы служить достаточным доказательством того, что на ближайший период сотням тысяч интересующихся политикой крестьян было бы достаточно еженедельной газеты.

К организации такой еженедельной газеты нужно приступить немедленно. Она должна давать сводку основных политических новостей за неделю, должна освещать внутреннюю политику, освещать вопросы крестьянского хозяйства и землеустройства. Она должна печататься большими буквами, чтобы деревенские грамотеи могли ее прочесть. Она должна стоить не более полутора—двух пудов ржи в год.

Я уверен, что для такой газеты мы в течение полугода—года сможем найти десятки тысяч читателей. За нее ухватятся тысячи красноармейцев. Она сможет завязать письменную связь с отдаленнейшими уголками русской деревни, если только, конечно, она не попытается сразу, подобно прочим нашим газетам, стать газетой крестьянской „аристократии", уже сейчас применяющей последние усовершенствования в области сельского хозяйства. И губернским организациям и Москве следует возможно шире использовать опыт ряда Губкомов, в частности Петроградского, поставивших уже издание таких еженедельных крестьянских изданий и некоторых успехов уже достигших.

А в области работы наших издательств нужно постановлением нашего партийного с'езда добиться того, чтобы в течение ближайшего года

были изданы по доступной крестьянам цене сотни названий по вопросам крестьянской экономики, сельско-хозяйственной техники, по вопросам естествознания, истории революционного и, в частности, аграрного противопомещичьего движения, советского строительства, ремесел, лубка, понятной крестьянину беллетристики, экономической и политической географии мира и т. п. В простой советской книжке крестьянин должен получить ответ на те вопросы, на которые свой ответ дает религия и попы — ее представители и уполномоченные в деревне.

А для этого и к книжной торговле надо подходить не с точки зрения Невского или Тверской, где открывается новый блестящий магазин, конкурирующий с любым магазином Берлина, а с точки зрения крестьянского базара, ярмарки, кооперативной лавочки, почтового пункта, откуда десятки и сотни тысяч, миллионы книг могут и должны потечь в нашу советскую деревню. И для этого, для еженедельной газеты средства должны найтись.

Поднять десятки тысяч на школьное дело.

Но, конечно, — основное в школе. Если бы хотя бы в половине наших уездных организаций было столько же сознательности, сколько у Козьмо-Демьяновского мужика с соломенной повязкой, столько же понимания серьезности того, что тов. Ленин писал о крестьянской школе и об учителе,—то, конечно, дело было бы сдвинуто.

Оно начало сдвигаться. Несомненно, что этой зимой дело крестьянской школы сделало шаг вперед. Но для того, чтобы этот шаг был серьезным, для того, чтобы учитель не превращался в раба кулака, для того, чтобы от учителя протянуть нить

связи к Советской власти—нужно поднять на это дело передовую красноармейскую молодежь.

А поскольку в Советской Республике должны существовать школьные советы (их не существует),—наши партийные организации должны такие школьные советы из передовиков—бывших красноармейцев—создать во что бы то ни стало. Это будет одним из способов преодоления крестьянской инерции, инерции крестьянской жизни, одним из способов оформления тех сочувствующих нам элементов, которые ныне рассасываются теряются в крестьянской массе.

На школьное дело можно поднять десятки и сотни тысяч крестьян. Для этого, конечно, прежде всего нужно изменить характер работы партийных организаций в деревне, потому что этого дела некому проводить, кроме нашей партии. Но наша партия может это дело сделать, если она за него примется всерьез.

Эти школьные советы из передовиков—молодых крестьян-красноармейцев надо создать, выловив их поодиночке, приладив их друг к другу, дав им твердую норму работы, иначе рассыплется дело на завтра после того, как секретарь или организатор волячейки уедет с твердой уверенностью, что дело сделано,—слишком сильна инерция крестьянской жизни.

Просвещение коммунистов.

Наконец, просвещение самих коммунистов. Мы видели из полтавских анкет, как далеки наши крестьянские коммунисты от вопросов просвещения.

А в Никольской волости был такой случай: отправили сельского коммуниста в уезд в школу, а он из партии вышел, при чем нехудой был коммунист. Но таковы условия были его хозяйства,

что или в школу поехать и хозяйство разорить,— или из партии выходить.

Мне кажется вполне осуществимым **выделение каждым уездом группы 3—4 человек—одного учителя по вопросам грамоты, одного—знакомого с начатками вопросов естествознания, мироздания и т. п., одного коммуниста, могущего толково прочесть и разобрать книжку**. С ближайшей осени такие группы должны быть сформированы в каждом уезде и направлены в волость для работы по 5—6 недель в каждой волости.

Нужно школу в элементарном виде привести к крестьянину-коммунисту.

Такие группы могли бы быть сформированы за счет уездного и губернского аппаратов, не вызывая излишних расходов. Каждый уезд на зиму мог бы 2 таких группы создать. За 6 месяцев можно обслужить восемь волостей в уезде. Только за это нужно приняться немедленно, напечатать для этого специальные небольшие книжки, применяющиеся к уровню не отличающегося черезчур большой грамотностью крестьянского коммуниста, создать соответствующую программу для полуторамесячных занятий и разослать их на места из центра— и заблаговременно, с тем, чтобы сейчас же можно было к делу приступить организовано по всей Республике.

На предложение тов. Ленина об организации шефства города над деревней отозвалась преимущественно провинция. Москва и Питер далеко еще не дали того, что они могут дать, не развернули еще той работы, которую они должны делать.

Здесь нужно добиться развития культурного шефства—городских партийных ячеек, городских партийных организаций, в том числе и политических организаций армии, над деревней.

Последнее необходимо подчеркнуть—к этому мы пришли в иной связи, обсуждая вопрос о бывших красноармейцах. Несомненно, что у наших политических армейских органов могут и должны быть такие связи с деревней, которые могут сыграть очень важную роль в деле развития политического влияния рабочего класса на крестьянство.

Еще о совпартшколах. И тут опять мы должны вспомнить совпартшколы. Развитие наших губернских совпартшкол имеет свою логику. Они начинают давать учебу для учебы; создается психология бесконечной учебы, которая хороша сама по себе, но которая вредна в условиях нашей политической отсталости, темноты и дикости.

Поскольку у нас есть высшие и областные совпартшколы, которые могут дать серьезно подготовленных работников-марксистов для губернских органов и центра, постольку губсовпартшколам надо определить точное и ясное задание вырабатывать культурно-политических работников для деревни.

Совпартшколы могут и должны дать в течение двух—трех лет несколько тысяч человек для деревни.

Для этого, конечно, надо критически подойти к тому, чего мы до сих пор достигли в области совпартшкольного дела, нужно точно представить ту задачу, которая перед совпартшколами стоит. Губсовпартшколы не могут давать, как правило, работников уездного и губернского масштаба. Этих работников частью будут давать высшие школы,—в большинстве случаев дает и будет давать жизнь.

При условии изменения курса совпартшколы, сокращения теоретической части учебного плана, приближения теоретической части к вопросам жизни, увеличения в программе совпартшколы роли вопросов, освещающих крестьянскую экономику, технику, строительство Советской власти, экономических органов Советской власти, обслуживающих крестьянство,— можно добиться нужного пополнения для крестьянской работы.

Школа и классовая борьба.

Культурная работа в целом, конечно, имеет значение прежде всего в силу того, что она представляет собой один из важнейших способов поднять наиболее близкий нам элемент деревни.

В селах, где мы были, это классовое значение школы можно было прощупать руками.

А мужики говорят: „Что не облапишь сам, тому никогда не поверишь"...

Зажиточный элемент и в Никольском и Зуевке прекрасно устроился: один—с помощью матушки, другой—с помощью дьяконицы за полтора пуда в месяц с ученика. Организация школы в этих условиях неизбежно превращается в акт классовой борьбы,—на базе борьбы за школу мы можем сплотить наиболее сознательные, наиболее сочувствующие Советской власти, наиболее выученные опытом гражданской войны элементы маломощного крестьянства.

Самогон и классы деревни.

В той же плоскости нужно рассматривать и вопрос о самогоне.

Мы опросили по вопросу о самогоне около 600 крестьян. Мы спрашивали крестьян не только об отношении к самогону,— мы спрашивали у них, как они считают необхо-

димым вести борьбу с ним.—Характерны ответы более зажиточных крестьян, в которых с чрезвычайной яркостью вскрывается классовое значение самогонки.

„Вреда в самогоне не видит, находит, что в некоторых случаях он даже необходим; например, за **самогон легче пригласить на работу односельчан**".

„Вреда в самогоне не видит, даже для бедняков; считает большой помощью, так как **для найма рабочих рук и скота в первую очередь требуется самогон**".

„В небольшом количестве считает необходимым самогон **для найма рабочих, для свадеб, крестин и семейных торжеств**".

„С самогоном бороться надо, явление вредное. Желательно иметь казенную продажу спиртных напитков, **без которых трудно обойтись в хозяйстве, когда нужно найти помощь односельчан**"...

„Особенного вреда в самогоне не видит, но работнику он необходим, особенно, когда нужно подыскать помогу в работе. **За деньги никто не поможет, а за самогон каждый поможет**".

„Самогон не считает вредным и для бедных (!); в хозяйстве считает необходимым **для найма рабочих и для продажи**".

„Спиртные напитки в крестьянском хозяйстве необходимы, особенно при работах —**легче найти помогу в работах**"...

„Самогонка для дела не мешает: нужно перевести лес—**надо заплатить 30 пуд. хлеба, самогоном же платится два ведра**"...

„Самогон или водка—все равно, но для крестьянина необходимы. Так, например, **если нужно строиться, ставить хату,—работников не найдешь; будь же водка или, как сейчас, самогон,—угостишь соседей, и хата готова**".

„Самогон кто гонит,—пускай гонит, он только дураку вредит. Вот, скажем, **я куплю две четверти—мне хату на отруба переведут.**—Самогон пущай гонят; если выпил честный человек, преследовать не надо“...

„С самогоном бороться не следует; **в хозяйстве легче найти работника**“...

Эти ответы говорят сами за себя. Прямая заинтересованность кулацких почек в самогоне очевидна. Отсюда очевидно, что дело борьбы с самогоном может и должно стать одним из средств организации близких к нам элементов деревни наряду с школой.

Пока что такое средство сплочения вокруг себя используют более евангелисты, чем мы. Вся эта нехитрая мудрость зажиточных крестьян наиболее точно формулирована в новой поговорке: **„Кем самогон правит, а кто самогон правит“.**

Евангелистам принадлежит большинство отрицательных ответов по отношению к самогону.

Наиболее характерные из этих отчетов: „считает, что самогон—явление вредное, бороться надо самым решительным образом—арестами, штрафами“.

„Раз'яснить весь вред самогона, чтобы крестьяне сознательно сами бросили пить, а потом, чтобы сами представители власти не показывали своим поведением дурного примера для граждан. Просвещение надо понимать духовно: что людям надо возвратиться к богу“.

„Меры необходимо принимать и сокрушить его совсем“.

„Самогон надо уннчтожить, чтобы не было его и звания; приняться строго, так как самое боль шое зло“.

„Власть должна действовать более решительно по борьбе с самогоном, самогона сама не пить“.

„С самогоном надо бороться до конца“.

„Необходимо принимать меры увещевания против самогона“.

Конечно, наиболее **часты** ответы, обнаруживающие всю темноту, которая напоминает лучше чего бы то ни было, что немного более полувека назад существовало еще крепостное право, а ныне в селе Зуевке живет человек, которому 15 лет было при освобождении крестьян:

„Самогон считает необходимым для человека, много работающего“.

„Как земля не может жить без кислорода, так и человек без спиртных напитков“.

„Самогон необходим во всех случаях“.

„Рекомендует самогонку не искоренять, ибо рабочему человеку без нее жить очень трудно“.

„Сочувствует мерам, искореняющим самогон, но не отрицает его благотворного влияния на настроение“.

„Борьба с самогоном необходима, если он препятствует государству, но лишать человеческого удовольствия также нельзя“.

„Самогон считает напитком, приносящим пользу для человеческого организма, и борьбу с ним считает совершенно излишней“.

„Самогон считает целебным напитком для человека и уничтожение его считает варварством“

„Самогон считает лекарственным средством“

„Самогон считает полезным напитком“.

„Борьбу с самогоном считает излишней, так как признает громаднейшую пользу его, как целебного средства“.

„Самогон считает средством, необходимым при лечении“.

„Для свадеб, похорон, крестин и других торжественных случаев самогон считает необходимой принадлежностью".

„Самогон считает необходимым напитком на свадьбах, похоронах и во время болезни".

„Самогон не уничтожать, так как от него легче жить становится".

„Вреда не приносит, заменяет лекарство".

„После работы для отдыха необходимо выпить".

„Спиртные напитки нужны; у меня удушье,—когда выпьешь стаканчик самогона, оно и полегчает. Вино вредит, когда его чрезмерно потреблять"...

Характерные для инертности крестьянской ответы:

„Самогон, когда попадется—выпьешь. Самогон дело не наше—будут бороться—не будем пить, а не будут—будем".

„За самогон сама власть должна предусматривать".

„На крестьян в борьбе с самогоном не полагаться, а нужно самому повести борьбу".

Тут-же — особая группа самогонной демократии.

Образец этой демократии дал нам отец Александр; ее не чужды и несколько крестьян позажиточнее.

Один из крестьян советует: „Пред'явить требование к власти, чтобы она сама не пила, а **потом** уже к крестьянам".

Другой: „Для уничтожения самогона необходимо прежде всего, чтобы сама власть не пила, **а потом** уже доказывать крестьянам".

Третий: „Пред'явить самые жестокие требования к власти, а **потом** уже к мужику".

Самогонная демократия. Отец Александр—хитрец—самогонную демократию дал в наиболее чистом виде: „Город-де вином и ликерами упивается, а деревне нельзя... Это выходит, что панам-де можно, а низам нельзя“.—В таком чистом виде эту идею самогонной демократии дал один лишь этот великолепный рыжий толстый поп,—и, кстати, сообщил нам ряд очень важных практических сведений: в Курской губернии гонят самогон из бураков. Получается, по словам попадьи, „квасок“—„недурной квасок“.—**А от этого „кваска“ в одном Тимском уезде за последние месяцы, по справкам, нам данным, 7 человек умерло.**

Гущу, остающуюся после выгонки самогона, не выбрасывают, а запекают в хлеб.—Думаю, что такой утилизации остатков позавидует не одно совнархозское предприятие.

Недавно читал в „Известиях“, что усилиями Наркомвнудел выловлено по России 10,000 аппаратов, гонящих самогонку. А авторитетные мужики Никольской волости нам сообщили, что в одном Тимском уезде, Курской губернии, их не менее 5.000. Отсюда очевиден размах необходимой борьбы.

Борьба на культурном фронте должна быть превращена Советской властью в классовую борьбу. **Борьба за школу, борьба против самогона, борьба за просвещение своих членов партии, за распространение своей газеты, за создание своей книжки—все это элементы огромной борьбы, гигантского поединка со старым крестьянским миром, в который партия должна суметь бросить вызов тому невежеству, той темноте и некультурности, которая была всегда лучшим фундаментом господства попа и кулака.**

VII.

Советы и крестьяне.

Сельские председатели. О том, что такое для крестьян советы, в значительной степени говорят следующие цифры.

Число хозяйств с членами Советов, Исполкомов и комбедов равняется 162 из 775, то-есть 21% всех хозяйств прошел через советы.

В более острые периоды члены советов избирались по очереди в порядке отбывания повинности, а во время пребывания деникинцев и первое время после их ухода в с. Александровке даже практиковался и поденный способ отбывания обязанностей председателя сельского совета (или старосты), при чем число дней отбывания каждым обязанностей председателя определялось в зависимости от числа душ в хозяйстве.

Это недельное или групповое „хождение“ председателем и об'ясняет такое огромное количество хозяйств, давших своих представителей в советы.

Крестьяне не говорят о председателе, что он работает председателем. У них председатель „ходит“, иначе: „председателем ходит такой-то“.

Для конструкции власти села Никольского характерно такое явление: село преимущественно маломощное; при огромной политической косности большинства домохозяев, зажиточные элементы, во главе с бывшим купцом, имеют несомненно преобладающее влияние в обществе. Председатель находится под непосредственным воздействием бывшего купца, начинающего восстанавливать свою торговлю. В свое время состав бывшего комбеда провален на выборах в сельсовет.

Бывший в 1919 и 1920-м году председателем совета середняк-крестьянин ныне состоит членом церковного совета.

Любопытно, что в селе Ивановке, средний уровень которого значительно более зажиточный, чем села Никольского, зажиточные элементы пользуются гораздо меньшим влиянием, и бывшие зажиточные, у которых революция отняла землю, не имеют того решающего голоса в „общественном мнении" села, как это имеет место в гораздо более бедном селе Никольском.

Если спросить крестьян про любого председателя, почему именно они его, а не другого, избрали председателем, то ответ будет один: избрали потому, что больше рабочей силы в семье, меньше раззора в хозяйстве. Иногда приходилось слышать и о том, что выбрали для того, чтобы напакостить соседу. Но теперь период ежемесячного или еженедельного „хождения" председателем отошел в прошлое.

Аппарат Советской власти вырос настолько, что плохой председатель не может не означать для села больших налогов, больших пени, да и вообще всяких неприятностей и от власти, и от уезда, да и от граждан соседнего села, где пред-

седатель потолковее. Поэтому крестьяне стремятся в настоящее время или председателя выбрать потолковее, или придать ему секретаря.

Сельские секретари. Такие секретари были во всех обследованных нами селах. Это „письменный" народ, бывший в то или иное время в городе, могущий прочесть, разобрать пришедший из уезда или из волости приказ, проследить, чтобы соседнее село не перехватило земли при переделе, не взяло на себя меньшей доли налога, чем полагается, чтобы волисполком не наложил на данное село какого-нибудь очередного местного налога в большей пропорции, чем это ему следует по его населению или по площади его земли и т. д., и т. д.

Роль этого сельского секретаря, несомненно, огромная. Сами крестьяне говорят, что сейчас без „письменного" человека в деревне не обойтись.

И действительно, у секретарей сельских советов целые канцелярии уже заводятся из приходящих от волости или от уезда бумаг. Тут мы имеем волостного писаря, перешедшего на село. И, конечно, не мало бывших волостных писарей в настоящее время такими секретарями советов устраиваются по всей России.

Председатель или староста. Мы задавали крестьянам вопрос о том, что выгоднее им, председатель совета, или староста. Сразу мы получали обыкновенно ответ такого же порядка, как и на вопрос о том, почему то или иное лицо было выбрано председателем, но когда мы к обоим вопросам подбирались поглубже, то во всех селах, кроме одного (Александровке), находящегося дальше других от железной дороги и более

отсталого, мы получили картину, которая заставляла менять первое впечатление.

Спрашивал я и о наиболее устойчивых председателях в селе Зуевке-второй и о причинах, почему этих председателей избирали. На вопрос о причинах получается неуклонный ответ: всех избрали по той же причине — были у них свободные люди в хозяйстве, у других не было.

Но вот что получилось, когда рядышком были поставлены все эти председатели. С начала революции: бывший староста—зажиточный крестьянин. За ним в конце 1917 и части 1918-го года его сменил другой крестьянин, тоже зажиточный. В середине 1918-го зажиточного сменяет Медведев, маломощный крестьянин. За ним уже Марицкий, средний крестьянин, ближе стоящий к маломощным. И при белых старостой ходил. Такого типа крестьянин был у них председателем и после изгнания белых. А с начала новой экономической политики пошел председателем Некрасов, определенно мощный крестьянин, а за ним Менщиков Михаил Иванович, прасол, одна из самых ярких фигур в селе Зуевке. Марицкого уже в конце 1922 года сменил Мателецкий, середняк.

Медведева, по словам, избрали в 1918 году потому, что у него были два брата, — один мог работать, а другой ходить председателем, и у Марицкого было кому работать. Шершнев—грамотный был.

У Некрасовых четыре работника было; его хозяйству хождение председателем ущерба не могло наносить.

Менщикова „по злобе избрали": ругал всех за разверстку. Сходом и постановили: походи сам в председательском ярме, ругать перестанешь, тебя все ругать будут.

Мателецкого по совести выбрали,—хозяйству тоже ущерба не будет. А когда я спросил у крестьян, почему же Менщикова, прасола, избрали в 1922-м году, а не избрали в 1918-м, ведь он и в 1918-м зол был и ругал революцию, и также почему Медведева, маломощного, избрали в 1918-м году, а не избрали в 1917 — крестьяне победнее даже просияли, — вот это, значит, вся революция у нас такая: сначала были зажиточные, после власть перешла к маломощным, с новой экономической политикой опять зажиточные поднялись, а теперь как будто к середняку клонит. А присутствовавший здесь представитель зажиточных крестьян только и нашелся, что сказать:

— „Это все так, да только я думаю, что так и должно быть; чтобы у зажиточных власть была, потому что они самые разумные и все понимают. Не может того быть, чтобы опять к голякам власть перешла“.

Примерно также из-под обще-крестьянских формул вырисовывалась перед нами политическая дифференциация крестьян и в селе Ивановке. Когда мы запросили различие между председателем и старостой и просили крестьян нам указать, что им более желательно; сначала получился общий крестьянский ответ:

— „Нам все равно, что тот, что другой, что волость приказывает, то и исполняют“.

А затем, после детального разбора, чем председатель отличается от старосты, по какой линии председатель связан с властью, а староста был связан с земским и из каких групп крестьян выбирался староста, а из каких выбирается председатель, какие права имеет председатель, а какие имел староста,—сразу вырисовывается ярко сочувственное отношение к председателю у мало-

мощных крестьян, спокойно сочувственное — у крестьян средних.

На Ивановском собрании представителей разных групп, где мы задавали этот вопрос, только один крестьянин, представлявший зажиточную группу, продолжал упорно говорить:

— „Да нам все равно. И тот и другой от власти приказы исполняют".

Но все же крестьяне над этим его ответом посмеивались всячески и сами разоблачали это „все равно", как фактическое предпочтение старосты.

Отношение к Советской власти. „Белый" опыт.

Общее отношение к власти Советской лучше всего характеризовал один из крестьян.

— Хошь нам работать и тяжело, но подняться можно. А кто не хочет работать, а главное, не умеет, тому никогда не полегчает, какая бы власть не была... Раньше к помещику ходили со своим горбом и мошной просить землицы, как бы поработать и пот пролить и мозоли кровавые набить. А теперь я сам хозяин земли!...

И, хотя, конечно, благодарностью отношение классов не определяется, но все же в крестьянском сознании, очевидно, крепко засела связь между наличием земли в их руках и существованием Советской власти. Белые дали в этом отношении такой наглядный урок, который прекрасно помогал усвоению крестьянами этой связи.

Много для политического просвещения крестьян сделало пребывание деникинцев. Нет крестьянина, который бы не помнил очень хорошо этого периода.

Один рассказывает, как в волости молебен устроили в честь белых, все честь-честью. От-

служил, а после молебна приказ вышел: „Раздевайсь"...

Десятки рассказывают о том, как встретилось белому броневику стадо овец, принадлежавших Никольскому обществу, как в несколько мгновений все овцы оказались в распоряжении белых. О том, что вели себя белые „как свиньи", мы слышали десятки раз...

Хорошо запомнился крестьянам офицер белой армии, на которого удержу не было никакого. Рассуждал тот приблизительно так: „Вы у меня имение забрали, брата убили, да чтобы я вас жалел... За что вас жалеть?"... И „плеткой, и плеткой"...

Шею переели им белые. Не могут не признать крестьяне что: „Красные, особенно, когда командиры были хорошие, себя хорошо вели; разве коня обменяют".

Очень короткое пребывание белых в Курской губернии оставило четкий след в крестьянском сознании, но, конечно, не смогло изменить его основ...

Много, очень много еще старой тупой рабской покорности: „Одна наша темнота — помалкивай, пусть умные работают—что-нибудь да и выйдет"...

Перемен боятся. Одной попробовали — и довольно. „Кто его знает, что за переменой будет". Это рассуждение и тех крестьян, у которых революция забрала землю и тем нанесла глубочайшую обиду, неискоренимую при какой бы то ни было экономической политике.

Старое рабское отношение к богатому и сильному дает себя знать и по отношению к налогам. Мы не раз слышали от бедняков, что, „по справедливости", надо с них брать столько же налога, сколько и с богатых—„иначе-де с какой

стати за меня другие платить будут". Прогрессивное обложение налогами понимают, как плату „за других".

Всю эту безнадежность мужицкую выразил один из крестьян: „Счастье наше куриное: кто не поймает, тот в ж... пальцем ковыряет".

Когда крестьянин вспоминает время до новой экономической политики, то в массе своей чрезвычайно много обид мелких и средних он вспоминает сразу. Помнят эти обиды очень хорошо и те слабые крестьяне, которым старая экономическая политика давала гораздо больше, чем новая. Один из таких отчетов крестьянских мне кажется наиболее типичным для крестьянского понимания старой экономической политики.

— „Что и говорить про то время. Торговли не было, не позволяли даже самому из села в село чего свезти. Не хватило у меня топки, поехал я к брату в другое село, наложил соломы, а тут общество пришло, солому забрало, да и говорит: „У нас своих бедных много. Нечего чужих кормить". Тут вам вся „сицилизма!"..

Насчет „сицилизмы" у них вообще представление достаточно „точное". Рассказывал один крестьянин при явном сочувствии остальных слушавших:

— „Сулили нам сицилизацию по всей России, а после сулили сицилизацию губернскую. Потом уездную, теперича сулят волостную. А мы сумлеваемся. Землемеры за эту „сицилизацию" 20 вагонов хлеба требуют!!" (Дело идет о землеустройстве).

Это представление о „сицилизации" дополняется сообщением крестьянским насчет коммуны.

—„При коммуне нет жен, все общее. Если бы согнать баб в коммуну, то вот бы была чертовщина"...

Но поскольку в коммуну его никто не гонит, „сацилизацию“ хоть и за 20 вагонов провести он может; оборачиваться в условиях новой экономической политики он находит десятки путей (которых ни один статистический бланк не зарегистрирует, и, конечно, ни один уездный совнархоз не найдет), постольку в основном его недовольство сосредоточивается на непорядках в налогах, отдельных советских аппаратах и дороговизне, не принимая еще характера недовольства Советской властью.

Волокита. Во всех разговорах с крестьянами, когда речь заходит об органах Советской власти, даже при резко отрицательном отношении к тому или иному представителю ее, не можешь не чувствовать того, что Советская власть для крестьянина своя власть, крестьянская власть. Говорили нам крестьяне в селе Ивановке: „хоть он тебя в волости и выругает матерно, но все ж не то, что при уряднике. В долгу, конечно, не останешься и его отчистишь и в бога и в мать, а когда до дела дойдет, все же крестьянское дело разрешить можно“... Что крестьянское дело можно разрешить по справедливости, это единодушно подтверждали все, и в этом признании—лучшее свидетельство того, что крестьянин признает Советскую власть своею, вопреки волоките, грубости, презрению к крестьянину и его нуждам, которые часто приносят с собой в наш советский аппарат люди царистско-крепостнического прошлого, под это прошлое строющие настоящее. Чем ближе крестьянину Советская власть, чем больше он считает ее своею, тем чувствительнее он ко всякому нарушению того, что он считает своим правом, особенно ко всяким проявлениям барского прене-

брежения к его темноте, неграмотности, неумению разобраться в том или ином винте Советского аппарата.

Таким сгустком помещичьего прошлого является для всех никольских крестьян завед. заготконторой, снятый с картинки модного журнала, кричащий на мужика так, как будто он был управителем помещичьего имения, в несколько месяцев одевшийся и приобувшийся всем на удивление, заведший себе экономку для всяческих надобностей, а по вечерам прогуливающийся на великолепном рысаке...

О том, как с хлыстиком в руках ругал этот завед. заготконторой пришедшего к нему крестьянина, знают все крестьяне на 10 верст вокруг. Они же много лет будут помнить о таинственном пожаре продовольственного склада...

А рядом с этим заведывающим заготконторой мы можем поставить одну справку из Наркомзема о волоките в наиболее чувствительной для крестьянина области разбора спорных вопросов. Средняя длительность прохождения спорного земельного дела, начиная с волости и кончая губернией, равняется году и 2 мес,, а с Особой Коллегией Наркомзема 2 годам и 3 месяцам. А дела разбираются в „Особой Коллегии“ самые больные для крестьянина: в области семейно-имущественных разделов, переделов, споров с совхозами и колхозами, внутри-волостного разверстания и т. п.

Официальная справка Центрозема от апреля говорит о том, сколько месяцев требуется, чтобы на запрос Центрозема пришел ответ губернии: от Вологодского, Витебского, Курского, Тамбовского Губземуправления на огромное большинство январских запросов ответа к апрелю не поступило;

от Нижегородского, Орловского, Пензенского, Ярославского и Псковского Губземуправления к концу апреля не получено ни одного ответа на все январские запросы, и так далее, и тому подобное... Цыфры эти говорят сами за себя и прежде всего говорят о том, что без действительной перечистки, переборки, пересмотра в первую очередь тех аппаратов, которые непосредственно соприкасаются с крестьянскими массами, без освобождения их от больших и маленьких бюрократов, срывающих дело союза рабочего класса и крестьянства, мы не можем использовать в полной мере тот основной, главный передаточный механизм к крестьянским массам, которым является наш Советский аппарат. Понятно, поэтому, что изгнание хотя бы завед. заготконторой из Солнцевского ссыпного пункта с публичным разбирательством дела принесет делу союза рабочего класса и крестьянства больше пользы, чем 5 десятков агитационных речей на тему о пользе смычки.

Надо организованно сокращать уездный аппарат во имя волости и села.

Если переходишь от села к волости, то уже становится ясным, как недостаточен тот аппарат, который мы имеем в деревне для того, чтобы деревней руководить.

Снизу растут секретари совета. Их состав не может не быть тем полуинтеллигентским крестьянским составом, который десятками нитей был и будет связан прежде всего с более зажиточными элементами деревни.

А волость имеет коммунистов, по уровню своему часто ниже среднего зажиточного крестьянина, а тем более бывшего старосты или волостного писаря.

В настоящее время уезды высасывают из волости те живые силы, которые могли бы сдвинуть работу с места. Если сопоставить то, что держат в себе уездные наши аппараты, и, конечно, губернские и центральные, с тем, что имеет волость, то нельзя не признать, что одна из основных задач в деле правильного распределения партийных сил до сих пор не только не выполнена, но даже не поставлена.

По данным Курской губернии на 1,160 коммунистов, занятых в уездном аппарате (в том числе 221 рядовых канцелярских сотрудников), приходится 348 работников Волисполкомов и 111 милиционеров. Это—в губернии, где цифра коммунистов в волисполкомах еще сравнительно велика, но нам кажется, что перед лицом цифры 111 милиционеров, 310 заведывающих п/отделами и 281 завед. отделами пора поставить решительнее вопрос о конструкции уездных аппаратов власти.

Мы приняли схему дореволюционного уездного аппарата с одной только поправкой относительно канцелярии. Так, например, старый полицейский аппарат ограничивал свою канцелярию 5—7 чиновниками. А наше милицейское управление имеет канцелярию в 13 человек.

Старые ветеринарные и медицинские отделы имели двух писцов в качестве канцелярии, а мы имеем в здравотделе 7 человек. В уездном земельном отделе сидит 16 челов., в канцелярии 56 оперативных работников, и это в то время, как в старом земстве агрономический отдел, за счет уездного земства существовавший, имел всего 16 человек.

В упродкоме в канцелярии 8 человек.

Старый уездный аппарат создавался царским режимом в условиях, когда для руководства кре-

стьянами нужны были только палка станового и земского, плюс поп. При такой системе управления надо было иметь в уезде кулак, готовый сжиматься и разжиматься соответственным образом.

Революция, при всей косности и неподвижности крестьянской жизни, провела такие борозды в крестьянском сознании, что никакая власть на одной палке, даже сдобренной попом, удержаться не смогла бы.

Поэтому нужно понять, что одним из условий осуществления руководства крестьянами со стороны рабочего класса является создание советского аппарата внизу и перенесения вниз, в волость и село, значительных партийных сил, организаторских и пропагандистских, которых сейчас с'едает мещанский уезд, варящийся в собственном соку, работающий в огромной мере в холостую, сам для себя и сам на себя.

У нас сокращение уездных аппаратов фактически идет, но в том сокращении, которое сейчас идет, есть две опасности:

1. Что, не будучи связано с задачей усиления села, оно даст возможность расплыться в тех же уездах, частью в губерниях, тем коммунистам, которые могли бы взять на себя работу по избам-читальням, по школам, по крестьянской кооперации, по сельсоветам и волисполкомам.

2. Такое сокращение, не будучи связано с общей мыслью о необходимости создания единого, хорошо сколоченного, без большой канцелярии, не составляющего лишнего звена между волостью и губернией аппарата в уезде,—может дать опять обрывки, обломки отделов и п/отделов, которые неизбежно начнут пухнуть и обрастать в ту минуту, как соответствующая сокращающая рука перестанет их касаться, или с той минуты, когда

в уезде обнаружатся те или иные денежные средства, позволяющие вновь аппарат расширить.

Поэтому нам нужно решать задачу сокращения уездных аппаратов деловым порядком и именно в связи с необходимостью немедленного укрепления нашего аппарата партийной и советской работы в волости.

О волостных секретарях. Важнейшая задача, к которой приступил ряд мест,—это создание кадра волостных секретарей.

О том, что нужны грамотные люди для сельсоветов и волисполкомов, говорят все крестьяне. Они особенно нужны теперь, когда в связи с началом оздоровления хозяйственной жизни в работе волисполкомов и сельсоветов выдвигается вперед задача хозяйственного и культурного обслуживания деревни. Если мы не дадим этих грамотных людей своих, крестьяне выберут из тех, кто раньше у них был грамотен, т.-е. из элементов, в значительной степени нам враждебных.

Мы должны дать своих волостных секретарей и секретарей крупных сельских советов. Часть из них могут дать сокращаемые уездные аппараты. Можно было бы потрясти для этой цели аппараты и губернские и центральные.

Из центрального аппарата забирали работников уездного и губернского масштаба. Нужно пересмотреть тех работников волостного масштаба, которых центральный аппарат держит в сотнях и тысячах и которые, вместо корпения над советской бумагой, могли бы делать огромное партийное и советское дело в деревне.

Кое-что можно было бы потребовать от наших советских и партийных школ. Кончающие эти школы растворяются сейчас в „безднах“ советского аппарата.

Конечно, и здесь мы упираемся в ту же необходимость подойти критически к той учебе, которая идет сейчас в советско-партийной школе. Пора продвинуть вопрос о такой программе, которая была бы связана с предстоящей совпартшкольной работой и которая позволяла бы этому совпартшкольцу, после того как он в деревню попадет, находить в том материале, который школа ему дала, элементы связи с городом, элементы, поднимающие его над деревней, не позволяющие ему утонуть в общей крестьянской массе так, как тонут сейчас десятки тысяч бывших красноармейцев. Эта опасность утонуть в крестьянской массе несомненно есть. Она будет стоять и пред каждым работником, которого партия в деревне даст.

Но партия должна найти способы, которые бы уменьшали эту опасность. Такими способами могут быть и газета, и с‘езды рядовых работников по соответствующей области крестьянской работы в губернском городе, и курсы-с‘езды.

К какому большому вопросу нашей деревенской работы ни подойдешь,—все упираешься и прежде всего в проблему коммунистического пополнения деревни... (Наряду с под‘емом к работе новых слоев беспартийных крестьян).

— **В настоящий момент, когда начинают развиваться с нэп‘ом связанные процессы дифференциации деревни, когда маломощные крестьяне попадают в самые разнообразные формы зависимости от зажиточных,— мы должны суметь, помимо борьбы за удешевление цены товара, идущего в деревню, помимо организации сельскохозяйственного кредита, который хотя бы в малой степени конкурировал бы с кулаком, двинуть в течение ближайшего времени 20—25.000 человек для партийной, советской и культурной работы в деревню.**

Прошлый партийный с'езд принял решение о том, чтобы двинуть из Москвы 1000 человек для работы в губернии. Нам кажется, что этот партийный с'езд должен принять решение о том, чтобы из Москвы, из губерний и уездов двинуть 20—25.000 человек в деревню и двинуть лучше, чем прошлогоднюю тысячу. Это будет лучшим свидетельством того, что партия и в настоящий период сумеет применить марксистский метод изучения и понимания действительности.

Конечно, эта передвижка даст пользу только в том случае, если она будет собой представлять не наспех проведенную очередную мобилизацию, а систематическую плановую переброску коммунистов на конкретную деловую работу (организатора ячейки, секретаря волисполкома, завед. избой-читальней, судьи, учителя, работника кооперации и т. п.).

Заведующий почтовым пунктом, народный судья могут в настоящих условиях быть как оружием в руках революции, так и в руках контрреволюции. Нужно, чтобы они стали оружием Советской власти. Такая переброска может быть действительным шагом к замене старого возглавления деревни попом и кулаком, разрушенного революцией,—руководством партии, как центра культурно-политической и хозяйственной жизни деревни.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

Таблица № 1.

Число работников мужчин.

Г о д.	с. Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	В с е г о.
1917	146	22	95	32	282	577
1920	164	44	92	32	329	661
1922	214	48	141	34	435	872
1923	218	50	154	35	455	912

Таблица № 2.

Обеспеченность хозяйства рабочей силой.

Г о д.	На хоз. приходится работников:		На каждые 100 работников приходится:	
	Занятых в земледелии.	Не занятых в земледелии.	Занятых в земледелии.	Не занятых в земледелии.
1917	0,94	0,02	97,8	2,2
1920	0,91	0,01	98.5	1,5
1922	1,12	0,01	98,7	1,3

Таблица № 3.

Число хозяйств, покупавших семена (по селам).

Г о д.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	По волостям.
1917	19	0	3	0	11	33
1920	60	3	34	5	74	176
1922	50	2	18	8	60	138

Таблица № 4.

Число хозяйств, не продававших и не покупавших семена (по селам).

Год.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	По волости.
1917	140	36	80	0	299	555
1920	129	39	72	22	292	554
1922	148	44	107	19	316	634

Таблица № 5.

Год.	На каждые 100 хозяйств семена.	
	Покупали, но не продавали.	Не покупали и не продавали.
1917	8,8	90,7
1920	24,1	75,9
1922	17,8	81,8

Таблица № 6.

Число хозяйств, продававших хлеб (по селам).

Год.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	По волости.
1917	16	1	9	2	25	53
1920	2	1	6	1	2	12
1922	49	25	59	1	21	155

Таблица № 7.

Число хозяйств, продававших хлеб, по волости в 1922 г.

Группировка хозяйств.	Общ. число хозяйств.	Число хоз., продававш. хлеб.	% продав. к общ. числу хозяйств группы.
Беспосевные. . .	30	4	13
От 0 — 1 дес. .	54	9	17
„ 1 — 2 „ .	120	20	19
„ 2 — 4 „ .	326	62	17
„ 4 — 6 „ .	166	41	25
„ 6 — 8 „ .	60	17	28
„ 8 — 10 „ .	15	3	33
„ 10 — 13 „ .	4	2	50

Таблица № 8.

Рост товарности крестьянского хозяйства.

Годы.	На каждые 100 хозяйств. Хлеб. Покупали, но не продавали.	Продавали, но не покупали.	Покупали и продавали.	Не покупали и не продавали.
1917	22,1	8,7	—	69,2
1920	48,4	1,6	1,0	49,0
1922	38,7	20,0	2,5	38,8

Таблица № 9.

Изменение числа хозяйств с 17-го года.

Год.	Число хозяйств.	Из них возникших: До 17 г.	Пос. 17 г.	По разделу. в 18 г.	в 19 г.	в 20 г.	в 21 г.	в 22 г.	Вернув. в город. в 18 г.	в 19 г.	в 20 г.	в 21 г.	в 22 г.
1917	612	612	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
1920	730	612	118	56	28	11	—	—	15	2	6	—	—
1922	775	612	163	56	28	11	25	7	15	2	6	9	4

Таблица № 10.

Группировка хозяйств по посеву.

Годы.	% хозяйств по покосу: Без посева.	До 1.0	1.01—2.0	2.01—4.0	4.01—6.0	6.01—8.0	8.01—10.0	10.01—13.0	13.01 и выше.
1917	16.5	12.4	17.8	23.5	14.7	4.9	4.1	3.5	2.6
1920	4.9	6.2	14.0	39.6	22.9	8.9	2.6	0.7	0.2
1922	4.0	6.8	15.6	42.3	21.2	7.7	1.9	0.5	—

Таблица № 11.

Группировка хозяйств по землевладению.

Годы.	% хозяйств по землевладению: Беззем.	До 1 дес.	1.01—2.0	2.01—4.0	4.01—6.0	6.01—8.0	8.01—10.0	10.01—13.0	13.01—16	16.01 и выше.
1917	5.7	12.7	13.4	29.6	14.8	9 8	5.1	2.6	3.6	2.7
1920	0.5	1.6	2.2	10.3	18.2	24.2	24.6	12.6	3.7	2.7
1922	0.4	1 5	2.5	11.5	20.5	26.6	26.6	10.2	3.1	1.2

Таблица № 12.

Группировка хозяйств по скоту.

Год.	Число хозяйств по количеству рабочего скота.					
	Без рабоч. скота.	С 1 голов.	С 2 голов.	С 3 голов.	С 4 голов.	С 5-ю и больше.
1917	146	223	159	57	15	12
1920	139	421	136	29	4	1
1922	175	497	96	6	1	—

Таблица № 13.

Группировка хозяйств по скоту.

Год.	%% хозяйств по количеству рабочего скота.					
	Без раб. скота.	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол.	С 5-ю и больше.
1917	23.8	36.4	26.0	9.3	2.5	2.0
1920	19.0	57.7	18.6	4.0	0.6	0.1
1922	22.6	64.1	12.4	0.8	0.6	—

Таблица № 14.

Число хозяйств без лошадей и волов (по селам).

Год.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	Всего.
1917	50	5	12	3	76	146
1920	46	4	9	4	76	139
1922	55	14	19	5	82	175
1923	66	14	25	—	102	—

Таблица № 15.

Посев и наличие рабочего скота.

	Без раб. скота.	С 1 гол.	С 2 гол.	С 3 гол.	С 4 гол. и больше.
Беспосевн. . .	83,3	13,4	3,3	—	—
До 1-й дес. . .	72,2	27,8	—	—	—
1 — 2 „ . .	43,4	55,0	1,6	—	—
2 — 4 „ . .	18,5	74,2	7,3	—	—
4 — 6 „ . .	6,6	72,3	18,7	2,4	—
6 — 8 „ . .	1,3	48,3	46,7	3,3	—
8 — 10 „ . .	—	40,0	60,0	—	—
10 — 13 „ . .	—	25,0	50,0	—	25,0

Таблица № 16.

Г О Д Ы.	На 1 хозяйство приходится:					
	Зажиточных.		Середняков.		Маломощных.	
	Рабочего скота.	1 дес. посев.	Рабочего скота.	1 дес. посев.	Рабочего скота.	1 дес. посев.
1917	3.36	9.15	1.98	5.46	0.71	1.73
1920	1.0	3.5	1.45	4.51	0.87	3.17
1922	1.67	6.45	1.26	4.67	0.72	2.89

Таблица № 17.

Процент хозяйств, не имеющих никакого инвентаря, к общему числу хозяйств. групп.

Группировка хозяйств.	1917 г.	1920 г.	1922 г.
	% безинвентарных.	% безинвентарных.	% безинвентарных.
Беспосевные . . .	84	91	93
От 0 — 1 дес.	67	70	69
„ 1 — 2 „	45	45	42
„ 2 — 4 „	22	19	17
„ 4 — 6 „	8	7	7
„ 6 — 8 „	2	—	—
„ 8 — 10 „	—	—	—
„ 10 — 13 „	—	—	—

Таблица № 18.

Домашние промыслы.

Группировки хозяйств.	Общее число хозяйств группы.	Число хозяйств с домашними промыслами.	% с домашними промыслами к общему числу хоз. группы.
Беспосевные. . .	30	18	60
От 0 — 1 дес.	54	15	28
„ 1 — 2 „	120	26	22
„ 2 — 4 „	326	48	15
„ 4 — 6 „	166	24	14
„ 6 — 8 „	60	12	20
„ 8 — 10 „	15	3	20
„ 10 — 13 „	4	2	50

Таблица № 19.

Число хозяйств, нанимающих лошадей (по селам).

Годы.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	Всего.
1917	12	3	10	7	15	47
1920	34	8	17	11	42	112
1922	48	31	48	15	62	204

Таблица № 20.

Число хозяйств, нанимающих лошадей в 1922 г. (по группам).

Группировка хозяйств.	Число хозяйств группы.	Число нанимающих лошадей.	% нанимающих лошадей к общему числу хоз. группы
От 0 — 1 дес.	54	31	58
„ 1 — 2 „	120	39	33
„ 2 — 4 „	326	62	19
„ 4 — 6 „	166	18	11
„ 6 — 8 „	60	8	13
„ 8 — 10 „	15	3	20
„ 10 — 13 „	4	—	—

Таблица № 21.

Число хозяйств, арендующих плуги, сохи, бороны (по селам).

Годы.	Никольское.	Александровка.	Ивановка.	2 Зуевка.	1 Зуевка.	Всего.
1917	5	7	8	1	13	34
1920	18	13	14	2	47	94
1922	31	15	21	2	49	118

Центральн. Библиотека
Читальня
Гор. ВЛАДИКАВКАЗ

СОДЕРЖАНИЕ.

Издательство „КРАСНАЯ НОВЬ"

. . . „Эта небольшая книжечка заслуживает совершенно исключительного внимания... Написана она живым и образным языком, в ней искусно переплетены сухие факты и цифры с личными наблюдениями и впечатлениями автора. Это очень хорошо, ибо делает книжку интересной и увлекательной для самых широких кругов читателей"...

И. Майский.

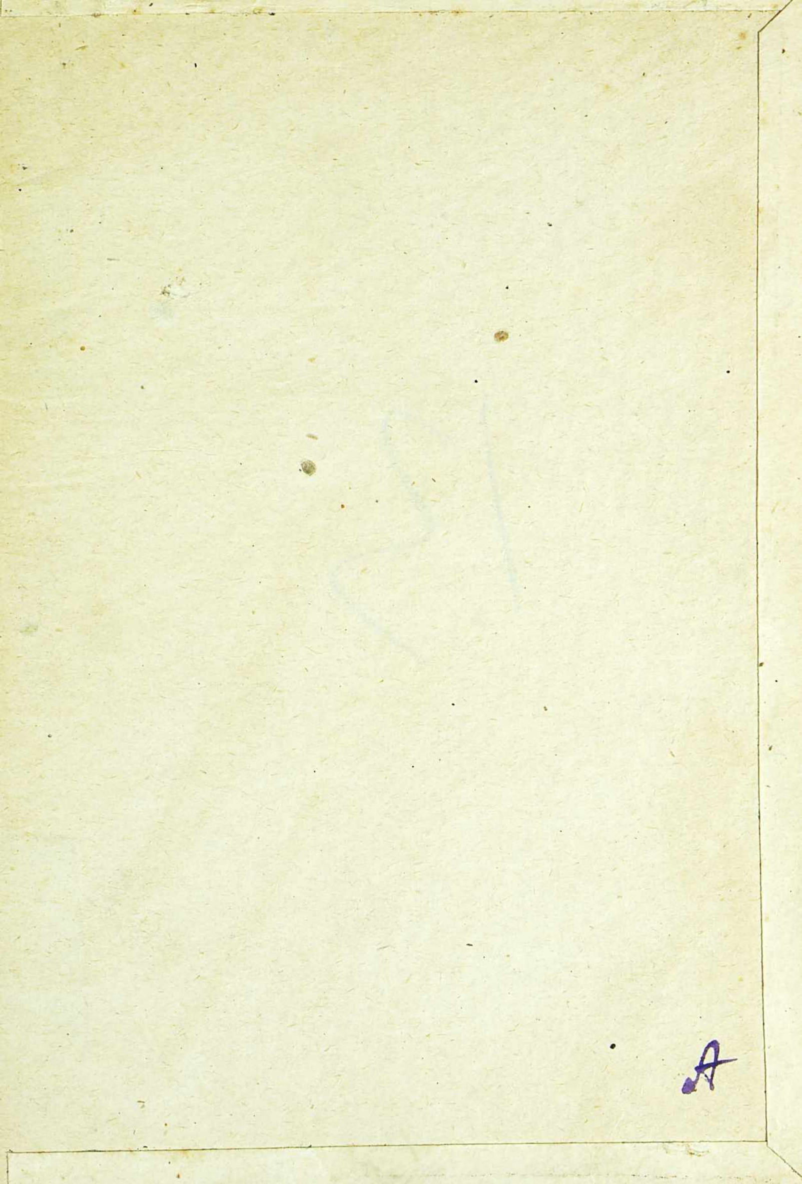
(„Петроградская Правда" № 119. I. VI—1923 г.)

. . . „Монография тов. Яковлева несомненно обладает многими превосходными достоинствами, главное из которых состоит в умелом, мы сказали бы, в об'ективном подходе к современной деревне. Это—действительно деревня, как она есть, без прекрас, без высоких, громких загромождающих слов, без официального оптимизма и благодушия, но и без нервозности, без упадочности, уныния и резонации. Монография удачно сочетает в себе трезвую наблюдательность и бесстрашие мысли с бодрой деловитостью, с уверенностью, что трудности будут преодолеваться, что „проклятые" вопросы деревенской действительности найдут свое надлежащее разрешение, благодаря осторожной и внимательной тактике коммунистической партии... Книжка нужна нашим газетным работникам, передовикам, корреспондентам и т. д., как наглядный пример того, как следует теперь, в 1923 году, подходит к деревне; над книжкой Яковлева следует призадуматься и нашим деревенским писателям: одним—для того, чтобы отойти от бунтарства, от интеллигентской повольщины, от махновщины, от пессимизма, чтоб разглядеть ту новую деревню, которая еще слаба очень, но растет; другим—для того, чтобы перестать писать малохудожественные агитки и вложить „перста свои в раны" нашей деревни, в наши раны, и осветить в художественных образах и типах, в бытописаниях и очерках деревню, как она есть".

А. Воронский.

(Журнал „Красная Новь" № 4. 1923 г.)

4.


A

Цена ~~35 коп.~~ черв.

0-35

СКЛАД ИЗДАНИЙ:

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР

Издательства „КРАСНАЯ НОВЬ“

МОСКВА, Воздвиженка 9.

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА:

В МОСКВЕ: 1. Универсальный книжный магазин „СЕРП и МОЛОТ“ Издательства „Красная Новь“—пл. Свердлова, 2-й дом Советов.
2. Сретенка 8.

В ЛЕНИНГРАДЕ: Проспект 25 Октября, угол Фонтанки (быв. магазин Коминтерна).